

Георг Штайндорф
Кит С. Зееле
**Когда Египет правил Востоком.
Пять столетий до нашей эры**

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5824995

Штайндорф Г., Зееле К.С. Когда Египет правил Востоком. Пять столетий до нашей эры : ЗАО

Центрполиграф; Москва; 2013

ISBN 978-5-9524-5052-3

Оригинал: GeorgeSteindorff, "When Egypt ruled the East"

Перевод:

И. Б. Куликова

Аннотация

В течение пяти веков до нашей эры величественная цивилизация Египта правила на Востоке. Но постепенно она погибла, а ее история скрылась в разрушенных гробницах и храмах. Немецкий египтолог Георг Штайндорф и профессор египтологии Восточного института Чикагского университета Кит С. Зееле подробно восстанавливают эпоху Древнего мира: царей и завоеваний, богов и героев, жизнь людей и фрагменты вершин человеческой культуры – искусства, скульптуры, поэзии, архитектуры, помогающие восполнить представления о мире золотого века.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Георг Штайндорф, Кит С. Зееле Когда Египет правил Востоком. Пять столетий до нашей эры

Посвящается Джеймсу Г. Брэдстеду и Курту Зете

Глава 1

Как был найден потерянный ключ к истории Древнего Египта

19 мая 1798 года французский флот под командованием молодого генерала Бонапарта отплыл из Тулона, чтобы бросить вызов английскому владычеству в Египте. Наполеон надеялся, завоевав эту страну, создать оплот на Востоке, откуда французы угрожали бы британской власти и богатству в Индии. Хотя долина Нила вскоре перешла в руки Бонапарта, сложные политические условия во Франции заставили его в следующем году вернуться домой. В 1801 году Наполеон лишился власти над Египтом.

Несмотря на то что завоевание этой страны не удалось, поход Бонапарта привел к другому, несравнимо более важному результату. Он распахнул для науки дверь в прошлое Египта. Французский флот привез из Тулона не только солдат. На его кораблях плыло множество ученых и художников. До сего дня мы испытываем благоговейный трепет перед огромными томами и изданиями материалов, которые эти люди собрали за короткое время кампании Бонапарта. Бесконечные усилия также привели к широкому коллекционированию древних памятников. По условиям капитуляции при сдаче Александрии генерал Мену передал большую их часть британцам. Эти предметы стали основой изумительной коллекции древнеегипетских памятников Британского музея.

Одним быстрым движением был сорван покров загадочности, который так надежно окутывал Древний Египет и за которым ученые Древней Греции и восторженные писатели современности воображали существование огромного количества тайн. Ученый мир поразили изумительные памятники этой страны и ее древняя культура, которую он увидел впервые. Прошло немного времени, и рухнула последняя преграда, препятствовавшая изучению долгой истории Египта. Это произошло благодаря находке (см. вклейку фото 2) настолько необычной и значительной, что удачливый первооткрыватель немедленно приказал сделать оттиски с надписей и переслал их в Египетский институт, который Наполеон уже основал в Каире.

Сложностей с прочтением греческого текста в нижней части камня у французских ученых не возникло. Они обнаружили, что перед ними декрет, составленный мемфисскими жрецами в честь фараона Птолемея V Эпифана (205–180 гг. до н. э.) в 196 году до н. э. Документ описывал многочисленные жертвы, принесенные царем в египетские храмы, и восхвалял того за щедрость. Наконец, чтобы увековечить жреческий декрет, его приказали высечь на каменной плите «священными письменами [иероглификой], народным письмом [демотикой] и греческими буквами».

Такой тройной вариант записи декрета на Розеттском камне отражал гетерогенный характер египетского населения той эпохи. С VII века до н. э. и особенно со времени завоевания Египта Александром Македонским (332 г. до н. э.) множество греков, помимо представителей правящего класса и придворных, приезжали и селились в этой стране. Именно для них декрет был записан на греческом языке. Для египтян же существовали две разные версии. «Священные письмена» (иероглифика) являлись древней системой письма, которую использовали тысячелетиями, но которую в тот период понимали лишь жрецы. С другой стороны, «народное письмо» (демотика) обычно применялось в официальных и торговых документах и переписке. Оно приблизительно соответствовало тогдашнему разговорному языку и было знакомо образованным слоям населения, но отнюдь не народным массам.

Греческая надпись на «трехязычном» Розеттском камне выявила один важный факт, имеющий огромное значение. Каждому сообразительному читателю было совершенно ясно,

что верхняя часть текста, состоящая из древних символов-рисунков, средняя часть, написанная «народным», или, точнее, курсивным, письмом, и греческая часть должны иметь абсолютно одинаковое содержание. Таким образом, впервые появилось средство, при помощи которого можно было расшифровать египетскую надпись и проникнуть в тайну египетских иероглифов.

Ключ к пониманию египетского рисуночного письма был потерян со времен императорского Рима. Благодаря многочисленным памятникам, привезенным в Италию, и особенно в Рим, было ясно, что эта письменность состоит из множества изображений определенных предметов. Однако вопрос о том, как следует читать эти знаки, оставался открытым. В результате их стали толковать как символы с определенным смыслом для каждого изображения. Такая попытка, разумеется, привела к нелепейшим результатам. Например, знаменитый ученый-иезуит Афанасий Кирхер (1601–1680) перевел группу знаков, обозначавших римский императорский титул «автократор», так: «Творец плодородия и всех растений есть Осирис, чью животворную силу святой Мофта низвел с неба в царство свое».

В таких условиях открытие Розеттского камня вызвало в научном мире огромное потрясение! В 1802 году знаменитый французский востоковед Сильвестр де Саси опубликовал брошюру, посвященную центральной – демотической – части памятника, где попытался выявить содержащиеся в ней греческие имена собственные: Птолемей, Береника и Арсиноя. Основываясь на результатах де Саси, шведский ученый Окерبلاد столь успешно продолжил работу по дешифровке, что в том же году смог опубликовать весь алфавит курсивного египетского письма.

К исследователям иероглифического рисуночного письма на этом трехязычном памятнике успех пришел не так быстро. Лишь спустя двадцать лет ему было суждено вознаградить находчивость молодого французского ученого Жана Франсуа Шампольона, родившегося в Южной Франции в 1790 году. После того как английский физик Томас Юнг продвинулся вперед, узнав с помощью имени фараона Птолемея значение нескольких знаков, Шампольон независимо от него пришел к пониманию существования алфавита у египтян. Здесь невозможно со всеми подробностями рассказать о тех окольных путях и ошибочных предположениях, которым Шампольон следовал в течение десяти лет, предшествовавших 14 сентября 1822 года, когда он добился своей цели и смог в экстазе заявить о победе своего гения: «Je tiens l'affaire!»¹

Через несколько дней работа была закончена. 27 сентября Шампольон представил ведущим ученым Франции очерк с результатами своего многолетнего труда, в котором с помощью методичных научных доказательств подтвердил, что иероглифическая система письма состояла в основном из алфавитных и других фонетических знаков. Они использовались не только для записи греко-римских имен собственных, чужеродных для египетского языка, но и для передачи таких чисто египетских имен, как имена фараонов Тутмоса и Рамсеса. Опираясь на этот принцип, Шампольон быстро добился успеха. Уже в следующем году он опубликовал краткий обзор египетской иероглифической системы. К 1832 году, когда безвременная смерть оборвала его блестящую карьеру, ученый не только преуспел в чтении и переводе многочисленных египетских текстов, некоторые из которых были довольно трудными, но и оставил следующим поколениям полную египетскую грамматику и большой словарь.

В настоящее время египтология достигла такого уровня, что больше не нуждается в целом ряде более или менее вдохновенных догадок, чтобы получить примерный смысл надписи. Теперь ученый может перевести египетский текст почти так же, как его коллега пыта-

¹ Я разгадал их! (*фр.*)

ется перевести отрывок с древнееврейского или арабского языка или прочесть греческий или латинский источник.

Успехи французской экспедиции дали стимул к более или менее систематическому поиску древнеегипетских некрополей, холмов, где когда-то стояли города, и развалин храмов во время кампаний, которые продолжались на протяжении XIX века и вплоть до наших дней. Для хранения находок были основаны египетские музеи, и коллекции время от времени значительно пополнялись за счет важных приобретений. Так, в течение столетия коллекции научных материалов в виде памятников, содержащих надписи, рукописей и предметов искусства выросли до огромных размеров и открыли постоянно расширяющееся поле для исследования. В результате сегодня мы можем исследовать историю и цивилизацию долины Нила от 4-го тысячелетия до н. э. до VII века н. э. (периода арабского завоевания) – непрерывно продолжавшееся культурное развитие, охватывающее почти пять тысячелетий, аналогов чему на нашей планете нет больше нигде. Мы можем узнать о деяниях длинной вереницы правителей на поле боя и в мирной жизни. Во всяком случае, нам открылись высоко развитое устройство Египетского царства и выдающаяся политэкономия греко-римского периода. Мы достигли понимания религии этого народа, многочисленных бытовавших у них концепций относительно жизни после смерти и форм, которые они использовали для поклонения своим богам. Мы познакомились с их нравами и обычаями, развлечениями богачей и повседневной жизнью людей в городе и деревне. И прежде всего, мы обрели знания о египетском искусстве и технике ремесел – самом выдающемся наследии – и получили доступ в уникальный мир прекрасного.

Несмотря на множество сохранившихся памятников из камня или литературных произведений и прочих надписей на папирусе, коже, камне или дереве, а также то, что в Библии, в сведениях греков или клинописных памятниках вавилонян, ассирийцев и хеттов мы можем обнаружить повествования, проливающие свет на определенные периоды египетской истории, этого богатого материала все еще недостаточно, чтобы создать полную картину эпохи и событий. Иногда река преданий течет, словно стремительный поток, а иногда уменьшается до струйки, временами же – к счастью, очень редко – родник и вовсе высыхает. Поэтому в основном наше внимание привлекают периоды египетской истории, которые хорошо освещены сохранившимися надписями, в то время как теми, что полностью или частично лишены таких свидетельств, незаслуженно пренебрегают. По этой причине египетскую историю никогда не удастся рассмотреть с тем же единообразием, какое можно применить, например, к классическим народам Греции и Рима или к народам Европы в Средние века. Более того, для складывания ясной картины существует и еще одно препятствие. Большинство исторических памятников предназначались для официальной пропаганды с целью передать потомкам «правильное» представление о славе и власти фараонов. Переломные моменты переворотов и внутренней борьбы, столь распространенных на Востоке, так же как поражения в войнах за пределами страны, полностью обходили вниманием или интерпретировали так, что памятники оставляли впечатление во многом искаженное и приукрашенное, чтобы доверять им. Точно так же покров тьмы навеки должен остаться на личностях и характерах героев египетской истории: хроник и воспоминаний современников о них просто не существует. Этот серьезный пробел в исторических данных компенсирует огромное количество материала в области искусства и культуры, который охватывает практически каждую отрасль материальной и духовной жизни до степени, по широте и многообразию едва ли превзойденной в другой стране мира. В результате любая попытка изложить историю Египта полностью или частично должна уделять большое внимание египетскому искусству и культуре.

Как и у других народов древности, у египтян не было постоянной системы летоисчисления. События, которые они желали записать хронологически, связывались с опреде-

ленными годами правления фараонов. В древнейшие времена их не подсчитывали, а, как в Древней Вавилонии, называли по произошедшим выдающимся событиям. Например, один год был обозначен как «год сражения и побивания жителей Севера», другой был увековечен как «год второго счета всего крупного и мелкого скота Севера и Юга». Этот неудобный способ постепенно был вытеснен более простым методом подсчета по годам правления, так что событие стало датироваться, например, «пятнадцатым годом Сенусерта [Сесостриса] III». Со временем, чтобы точно обозначить, когда произошло то или иное событие, жрецы составляли и записывали в храмах подробные списки царей, куда попадали имена и обозначения лет правления, а позднее и количество последних. Вполне возможно, что эти архивы являются основой и для царских списков, вырезанных на стенах разных храмов и гробниц, и для ценных таблиц, которые сохранились в историческом трактате, написанном египетским жрецом Манефоном (около 300 г. до н. э.). В этом труде Манефон разделил всех египетских правителей от древнейшего исторического царя Менеса до Александра Македонского на тридцать династий, в целом соответствующих разным царским династиям, которые последовательно, а иногда и одновременно пребывали у власти. Несмотря на определенные ограничения, в пользу удобства схемы Манефона говорит ее длительное использование современными исследователями. Некоторые связанные между собой династии, естественно, объединялись в группы, а те с течением времени приобрели собственные обозначения. Так, период, охватывающий время правления с Третьей по Шестую династии, называют Древним царством, время с Седьмой по Одиннадцатую династии – это Первый переходный период, Двенадцатая династия известна как Среднее царство, тогда как период с Тринадцатой по Семнадцатую династии в наши дни обычно описывают как Второй переходный период. Эра правления династий с Восемнадцатой по Двадцатую известна как Новое царство.

«Египет – дар Нила». Это высказывание Гекатея, впервые процитированное Геродотом и часто упоминаемое позднее, поразительно коротко и правильно выражает характер этой страны. На огромном, почти полностью лишенном воды пустынном плато, которое занимает всю северо-восточную часть Африканского континента, Нил, вытекающий двумя рукавами из огромного района озер в Экваториальной Африке и покрытых снегом гор Абиссинии, за бесконечные века с трудом пробил в песчанике и известняке глубокую долину. Ее нижний конец – земля Египта – благодаря повторяющимся ежегодным отложениям аллювия превратился в одну из самых плодородных почв на планете. Когда, наконец, в этой долине поселились люди, чтобы пасти здесь стада и возделывать землю, Нил подтолкнул их к цивилизации и культуре. Обильный поток, каждое лето устремляющийся на север после сильных дождей в районе истоков обоих рукавов Нила, чтобы затопить землю, нужно было систематически и постоянно приводить на поля. Необходимо было сооружать дамбы и выкапывать каналы. Болота требовалось осушить и превратить в луга. Однако такие действия земледельцы, вероятно, не могли совершить, работая в одиночку. Жители страны были вынуждены объединиться в крупные сообщества во главе с лидером, чья направляющая рука помогала им концентрировать усилия во имя общего блага. Так Нил заставил осознать необходимость соответствующего свода законов и упорядоченного государства. Для того чтобы рассчитать время подъема и спада разлива Нила и определить время для возделывания полей, требовалось наблюдать за сменой сезонов и движением звезд. Всякий раз, когда необычно обильный разлив Нила стирал границы между соседними участками земли, что происходило часто, нужно было заново обмерять поля и записывать результаты нового обмера в официальных документах. И вновь именно Нил привел к развитию письма, системы счета времени на основе постоянного календаря и изучению астрономии. Когда позднее, в исторический период, строились грандиозные пирамиды и огромные храмы, а в честь богов и царей устанавливались гигантские статуи и обелиски, опять-таки Нил упростил или даже сделал возможной доставку тяжелых строительных материалов. По его широкой глади огромные гра-

нитные блоки везли от южной границы Египта до самого Мемфиса или далекого Таниса в северо-восточной части дельты. Великая река всегда являлась для страны необходимым источником жизни, от которого зависело благополучие жителей. Необычно обильный разлив Нила мог разрушить деревни и лишить людей крова. Недостаточно высокий паводок мог подвергнуть их мучительному голоду. С другой стороны, обычный разлив приносил благополучный год. Удивительно ли в таком случае, что египтяне обожествили реку, назвав ее Хапи (см. вклейку фото 3)? Они славили этого бога во вдохновенных гимнах, именуя тем, «кто приходит, чтобы накормить Египет», или «приносящим пищу, богатым пропитанием и создателем всех хороших вещей».

Первые следы присутствия человека в Египте обнаружены на пустынных плато в южной части долины Нила. Это были грубые кремневые орудия, по внешнему виду похожие на найденные в других районах Северной Африки и Западной Европы. Их следует отнести к древнейшей эпохе палеолита – далекому доисторическому периоду. В те времена Египет, каким мы его знаем, еще не существовал. Море простиралось до Верхнего Египта и занимало всю долину. Нам ничего не известно о том, что за люди населяли окружающие плато, изготавливали и использовали эти орудия труда.

Примерно за 6 тысяч лет до н. э. Египет приобрел современный географический облик. Его население, если судить по языку, появилось в результате смешения по меньшей мере двух разных элементов: палеолитических аборигенов и хамитских племен. Последние лингвистически были тесно связаны с семитами Ближнего Востока, аккадцами Вавилонии, финикийцами, евреями, арамеями и арабами. Они жили на берегу Средиземного моря в Северной Африке, но постепенно в результате изменений климата, из-за которых в их родных местах невозможно было получить достаточно пищи, переместились в долину Нила. Возможно, что нилоты хлынули в Египет с юга, тогда как с востока через Синайский полуостров или через Красное море пришли семиты, принеся с собой сельскохозяйственные занятия. В течение нескольких веков эти разные элементы смешивались, пока их изначальные этнические особенности не были полностью утрачены. В результате появился новый народ – египтяне, которым было суждено создать культуру исторического периода.

Египтяне исторического периода не сохранили воспоминаний о том, откуда они пришли на эту землю. Они считали себя ее исконными жителями и с самодовольной гордыней именовали себя «людьми», в отличие от своих соседей – ливийцев на западе, азиатов на востоке и нубийцев на юге.

Глава 2

Древнее царство и Среднее царство

Несмотря на то что жители Египта говорили на схожих диалектах и обладали определенной общностью культуры, у них отсутствовало ожидаемое политическое единство. Это преимущество было обретено незаметно, возможно, в течение нескольких столетий развития. Сначала страна состояла из множества независимых городов-государств, которые в определенной степени продолжали существовать в номах и в исторический период. Однако даже в ранний период попыткам добиться более тесного политического объединения сопутствовал некоторый успех. В результате появились два могущественных государства: Северное царство, территория которого совпадала с дельтой Нила, и его южный противник, границы которого простирались практически от современного Каира до первого порога Нила в Асуане, а возможно, и дальше в Нубию. Древнюю религиозную столицу Северного царства традиционно локализуют в Бехдете, близ Тель-эль-Баламуна. Главным символом его правителя была «красная корона» . Резиденция владыки Южного царства находилась в Омбосе рядом с современным городом Накада на левом берегу Нила. Он носил особый вид «белой короны» . Кроме того, каждая из «Обеих Земель» имела свое геральдическое растение. Северное царство выбрало папирус, который в изобилии рос на болотах Нижнего Египта и потому мог считаться наиболее характерным растением этой страны. Растение Южного царства с точки зрения ботаники не было идентифицировано, но о нем обычно, хотя и не очень точно, говорят как о лилии или лотосе (см. вклейку фото 38). Бытование всех этих символов, как и многие другие следы древнейшего периода, можно проследить на протяжении всей истории Древнего Египта.

По всей вероятности, два египетских государства в течение многих веков процветали рядом друг с другом, часто сталкиваясь в вооруженных конфликтах. Наконец Северное царство утвердило свое господство над южным соседом, и они объединились в одно государство. Гелиополь (библейский Он), «город солнца», находившийся в окрестностях современного Каира, являлся религиозной, а возможно, и политической столицей объединенного Египетского царства.

Как долго продолжалось это политическое единство, установить невозможно. В любом случае спустя некоторое время Южное царство опять обрело свою независимость, и два политических объединения, соответствующие двум землям древнейшего периода, возникли снова. Однако это новое политическое развитие сопровождалось выбором новой столицы в каждом из двух государств. Резиденцией северного царя стала «двойная» столица Пе и Деп (Буто), тогда как соответствующую роль в Верхнем Египте играли Нехен и Нехеб, расположенные на противоположных берегах Нила в районе современного города Эль-Каба. Между двумя землями вновь начались войны. Они увенчались победой Юга и долговременным объединением Верхнего и Нижнего Египта.

Возможно, создателем нового объединенного царства был Менес, ибо его имя стоит в начале традиционного списка египетских правителей. Именно с него начинается настоящая история Египта. Он также является первым правителем, о котором сами египтяне располагали определенными сведениями. Например, согласно им, Менес считался создателем «Белой Стены» – города, позднее известного как Мемфис. О древнейших правителях двух государств помнили мало. Египтяне думали, что это были сверхъестественные существа или духи, занимавшие промежуточное место между людьми и богами. В древних столицах их душам поклонялись как полубогам: в Буто они приняли форму соколов, а в Нехебе их изображали в виде шакалов.

Материальная культура этого раннего периода обладала чертами, характерными для позднего каменного века (неолита). На окраине дельты, где начинается пустыня, были обнаружены несколько нижнеегипетских поселений (например, Меримда, Бени-Салами, Омари), где процветала культура позднего каменного века. Там жили земледельцы, имевшие огромное количество керамики, но не знавшие меди. В Верхнем Египте от того времени сохранилось множество кладбищ. В настоящее время современные названия некоторых из них являются привычными обозначениями разных стадий первобытного периода египетской культуры. Первая из них, обнаруженная в конце XIX века, имела две фазы, известные как Накада I и Накада II. Через тридцать лет после этого Брантон открыл в Бадари культуру, которая существовала примерно в то же время, что и Накада I. Третья, обнаруженная в Амре и относящаяся приблизительно к тому же периоду, что и две другие, дала свое название – «амратская культура» – всей группе Накада I. (Питри проводил раскопки в Накаде в 1895 г. – *Пер.*)

Носители амратской культуры, вероятно, являлись пастухами и охотниками, ведущими полукочевой образ жизни, и принадлежали к восточнохамитским народам. В их культуре важную роль играли оружие, слоны, гиппопотамы и охотничьи собаки. Наиболее характерными для их керамики являются монохромные краснолощенные сосуды, красные сосуды с черным верхом, а также сосуды, расписанные геометрическими узорами и узорами, имитирующими плетеную корзину. Эти люди хоронили умерших на кладбищах, изолированных от поселений, в отличие от земледельцев Нижнего Египта, проживавших в Меримде и Омари и устраивавших могилы внутри поселений. Последние принадлежали к северо-западной ветви хамитских народов.

Культура Накада II распространилась гораздо шире, чем любая из существовавших прежде. От Нижней Нубии на юге до Герзы (благодаря которой она получила название «герзейская»), Абусира-эль-Малика и Маади южнее современного Каира было обнаружено множество кладбищ, относящихся к тому периоду. Герзейская культура сложилась благодаря естественной эволюции амратской, на смену которой она пришла. Египетская культура в тот период поднялась на более высокий уровень. Могилы были устроены более сложно, а тела погребены с большей заботой. Многие ранние сосуды были заменены новыми формами. В Египте впервые проявились иноземные влияния. Возникли разные типы керамики, по форме и украшению похожие на палестинские и сирийские сосуды. Получили распространение темно-желтые сосуды с волнистыми ручками и сосуды с красным орнаментом и изображениями птиц, животных и грубо показанных людей. Орнаменты на цилиндрических печатях и других предметах, так же как могилы с кирпичными стенами с нишами, обнаруживают большое сходство с месопотамскими, которые относятся к периоду Джемдет-Насер. Начинают появляться небольшие статуэтки. Охота и рыболовство частично утратили свое значение, а роль земледелия и скотоводства возросла, и с того времени последние стали основой египетской экономики. Герзейский период привел египетскую культуру к началу династического периода.

До наших дней сохранились памятники некоторых из последних царей додинастического периода. Один из них, «Скорпион», уроженец Иераконполя (Нехена), похоже, вел успешные войны на севере, в районе Туры (к северу от Мемфиса). Его преемником, вероятно, был Нармер, чья знаменитая палетка из сланца является одним из первых великих исторических памятников человечества. Изображенный на ней рельеф показывает, что Нармер завоевал дельту и потребовал нижнеегипетскую корону, однако неясно, смог ли он собрать достаточную военную мощь, чтобы объединить обе земли. Это достижение традиция приписывала его преемнику Менесу, первому царю Первой династии.

Однако имя Менеса редко встречается на памятниках. Его можно отождествить с Аха («Бойцом»), если только последний не сменил его на троне. Столицей Аха был Тин, а похо-

ронили этого властителя в соседнем Абидосе. Чтобы сохранить северные завоевания своих предшественников и свои собственные, Менесу и Аха обязательно было находиться рядом с дельтой. Поэтому основание Мемфиса, который явно подразумевался под вторым названием «Белая Стена», являлось военной необходимостью. Новый город стал северной столицей, значение которой все возрастало. Вскоре она заменила южную столицу Тин и обрела собственный обширный некрополь в Саккаре, где располагались огромные роскошные гробницы вельмож и придворных, занимавших высокое положение. Хотя остальные цари Первой династии – Джер, Уаджити, Удиму, Аджиб, Семерхет и Ка – были похоронены в Абидосе, первые три правителя Второй династии, о которой мало что известно, приготовили себе гробницы рядом с новой столицей – Мемфисом.

В этом новом некрополе, Саккаре, Джосер, с которого началась Третья династия, велел своему одаренному архитектору Имхотепу впервые возвести царский заупокойный комплекс целиком из камня. Его центральным элементом является огромная ступенчатая пирамида, скрывающая настоящее место погребения фараона. Помимо ступенчатой пирамиды священное пространство включало гигантский заупокойный храм с помещением для царской статуи, гробницы нескольких цариц, огромный храм, посвященный царскому юбилею, праздничный зал, украшенный уникальными колоннами, и множество других сооружений. Несмотря на то что комплекс был построен из небольших каменных блоков, многочисленные детали изящных украшений свидетельствуют о том, что все сооружение имитировало деревянные прототипы. Это величественное достижение Имхотепа, во многом восстановленное в наши дни, до сих пор можно видеть в Саккаре.

Во времена правления фараона Четвертой династии Снефру для царской гробницы использовали форму настоящей пирамиды. К эпохе этой же династии нужно отнести и три самые большие и известные пирамиды в Гизе. Своим строителям – царям Хуфу, Хафра и Менкаура – они обеспечили немеркнущую славу. Спустя почти сорок пять столетий пирамиды являются безмолвными свидетелями их безграничного богатства и власти. Вполне естественно было бы задать вопрос, как Хуфу отважился на попытку возвести в качестве своей усыпальницы такое огромное сооружение, как Великая пирамида (см. вклейку фото 4), высотой более 146 метров и объемом не менее 1 911 387 кубических метров камня. Ведь в момент восхождения на трон у него не было уверенности, что его правление продлится достаточно долго, чтобы завершить эту важную задачу.

Ответ достаточно прост. На самом деле каждый новый царь был реалистом в достаточной степени, чтобы планировать строительство такой пирамиды, которую можно было бы закончить за несколько лет. По мере того как правление продолжалось, правитель просто дополнял сооружение новыми слоями кладки, пока не приходил к выводу, что оно достойно его положения.

У подножия каждой пирамиды возводили храм, посвященный культу умершего царя. Он был связан длинным крытым проходом с храмом меньших размеров, построенным в пустыне на границе возделываемой земли.

Вокруг пирамиды царя рядами располагались гробницы принцев, вельмож, а также чиновников разных рангов, рельефы и надписи которых открывают нашему взору яркую картину государства эпохи пирамид и его цивилизации. Во главе этого государства стоял абсолютный монарх – фараон, от которого зависел весь четко организованный бюрократический аппарат вплоть до последнего человека. Самые важные и влиятельные правительственные должности – прежде всего совмещенные обязанности визиря и главного судьи – отдавались в руки членов царской семьи. Надо полагать, что сам фараон владел значительной частью земель, которые возделывали рабы, вынужденные отдавать все произведенное двору, а также дополнительно трудиться на строительстве дамб, каналов, храмов и пирамид

(см. вклейку фото 5). Князья и провинциальная знать явно имели собственные земли и рабов, но при этом находились в определенной зависимости от двора и фараона.

После того как со смертью сына и преемника Менкаура Шепсескафа трон был передан новой правящей династии, государство какое-то время сохраняло свое прежнее могущество, хотя едва заметные признаки грядущего упадка центральной власти начали проявляться. Рельефы на стенах гробниц, изображающие повседневную жизнь, работу на полях, в больших поместьях или развлечения богатых вельмож, а также каменные и деревянные статуи, обеспечивавшие бессмертие крупным чиновникам и их слугам и служанкам, – все это отражало своеобразие и силу, не имевшие аналогов в другие эпохи.

Правителей Пятой династии хоронили к югу от Гизы, в Абусире, в пирамидах, размер и совершенство конструкции которых нельзя сравнить с пирамидами Хуфу и его преемников. Каждый из царей Пятой династии возвел в этом месте особый храм для своего «отца» – солнечного бога.

Последний включал открытый двор с большим обелиском, который возвышался над огромным, сложенным из обработанных камней основанием, покоившимся на кладке, облицованной блоками красного гранита. Перед святилищем, если судить по единственному уже раскопанному примеру, находился гигантский алтарь из алебаstra, где приносили жертвы божеству. Двор был окружен проходами, богато украшенными прекрасными рельефами, часть которых изображала празднование царского юбилея, а другие – типичные события, происходившие в разные времена года. Помимо скудной информации, происходящей из развалин Абусира, нам мало что известно об этих правителях. Последним из них был Унис, построивший для себя пирамиду в Саккаре. Стены ее внутренних помещений впервые покрыли религиозными иероглифическими надписями.

Возможно, Пятая династия была свергнута в результате жестокой внутренней борьбы. Правители новой, Шестой династии быстро восстановили порядок, однако их власть в стране ослабла и была обречена уступить постепенно растущей независимости номархов разных провинций (номов). Централизованное государство эпохи пирамид постепенно превратилось в феодальное. Разумеется, за границами страны слава Египетского царства продолжала распространяться. Множество успешных военных кампаний на суше и на море были проведены против жителей Южной Палестины. Их укрепленные города были захвачены и разрушены, а плодородные поместья преданы огню и мечу. Крупные торговые экспедиции отправлялись вверх по Нилу до Северного Судана, чтобы привезти в Египет редкие товары из Центральной Африки.

Однако прошло немного времени, и последовали еще худшие волнения, до основания потрясшие основы государства. Полное отсутствие исторических записей того периода оставляет нас в неведении относительно событий, происходивших во времена правления последних царей Шестой династии. Социальные потрясения привели к разрушению всех существующих институтов. Правящие классы лишились власти и богатства, воцарился хаос, и не было никаких надежд на будущее. Древний текст рисует ужасную картину того периода:

«Бедняки в стране стали богачами, а владельцы собственности превратились в нищих... Владевшие нарядами теперь в лохмотьях, а тот, кто не мог ткать для себя (поскольку был вынужден работать на других), теперь хозяин прекрасного полотна... Тот, кто не мог построить себе лодку, теперь владелец кораблей, тогда как тот, кто некогда владел ими, смотрит на них, но они больше не принадлежат ему... Смех исчез, его больше не слышно. Теперь землю наполнили стенания, смешанные со скорбными воплями».

В тот период лишений и раздоров князь из Гераклеополя по имени Хети (около 2240 г. до н. э.) смог сосредоточить в своих руках достаточную власть, чтобы основать царство, охватывавшее северную часть долины Нила, а возможно, и часть дельты. Поздняя греческая традиция, рассказывавшая, что этот «Ахтой [Хети] был более жестоким, чем любой из его

предшественников, и причинил зло каждому в Египте», свидетельствует о могуществе основателя Девятой династии. При двух гераклеопольских династиях (около 2240–2050 гг. до н. э.) египетская культура вновь расцвела. Хети IV (около 2100 г. до н. э.) составил для своего сына Мерикара знаменитую книгу «поучений». Малоизвестный гераклеопольский период породил такое количество сохранившихся памятников классической египетской литературы, что вполне заслуживает названия золотого века.

В верхнеегипетском городе Фивы могущественная княжеская династия правила независимо от царей Гераклеополя. Эти Интефы и Ментухотепы не играли важной роли в период Древнего царства и никогда не обладали заметным политическим влиянием. Мало-помалу они смогли распространить власть своей династии на территорию всей провинции и присоединить к своим владениям Абидос. В жестокой гражданской войне, в которой в качестве самых верных сторонников гераклеопольских царей участвовали могущественные князья Асьюта, победу одержали фиванцы. Весь Верхний Египет и дельта признали власть фиванских правителей, которые гордо присвоили себе прежний титул «царя Верхнего и Нижнего Египта». Фараоны Одиннадцатой династии, разумеется, были неспособны добиться полного умиротворения страны, восстановить порядок и подавить все восстания.

Только во времена правления следующей династии Египет снова достиг состояния внутреннего порядка и процветания, сравнимого с Древним царством. С уроженца Фив Аменхета I, чьи предки, вероятно, служили предыдущим царям, началась Двенадцатая династия. Этому фараону досталась нелегкая задача поставить на место непокорных вельмож.

«Он уничтожил неправду... и восстановил то, что нашел в руинах, и то, что один город захватил у соседнего. Он сделал так, что один город знал свою границу от другого. Он установил их пограничные камни твердо, как небо, ибо он знал их орошаемые владения согласно тому, что было в записях. Они были проверены согласно тому, что было в древних записях, поскольку он любил справедливость».

Новый правитель не решился сделать только одно: он не лишил правителей провинций (номархов) той независимости, которую они обрели при царях Шестой династии и в последовавший период хаоса, и не перевел их в разряд придворных, выполнявших разные поручения, каковыми они являлись при фараонах Древнего царства. Царь передал им их владения, которыми они управляли. Таким образом, сохранилось феодальное государство, полностью упраздненное при могущественных фараонах Сенусерте II и Сенусерте III.

Хотя цари Двенадцатой династии являлись выходцами из Фив, политическая целесообразность заставила их перенести столицу на север в Иттауи близ Фаюмского оазиса, где встречались Верхний и Нижний Египет. И действительно, этой провинции фараоны уделяли самое пристальное внимание. Многие поместья в районе Фаюма орошались благодаря рукаву Нила, в наши дни известному как «Бахр-Юсуф». От возможных наводнений их защищали большие дамбы, а уровень вод контролировался при помощи вырытых каналов, которые направляли их в «Большое озеро» – столь восхищавшее греков озеро Моэрис, расположенное на северо-западной окраине оазиса. Для богов в большинстве городов Египта были возведены новые храмы или восстановлены старые, однако предпочтение во время этого строительства отдавалось Фаюму. В главном городе Шедет, или Крокодилополе, для местного бога Сухоса (Себека) был сооружен прекрасный новый храм с озером, где держали священных крокодилов. К западу от столицы на краю пустыни, близ современной Хавары, рядом со своей пирамидой Аменхет III построил огромный заупокойный храм с бесчисленными дворами и колоннадами. Это был так называемый «Лабиринт», подробно описанный Геродотом и Страбоном. Однако в наши дни от одного из крупнейших и самых знаменитых сооружений Древнего Египта осталось всего несколько камней. («Канал Иосифа». – *Пер.*)

Несмотря на то что в основном цари Двенадцатой династии предпочитали свою новую столицу в Фаюме, не пренебрегали они и областью Амона в Карнаке, в прежней столице Фивах. Сенусерт I построил в неизвестном месте в Карнаке чудесную окруженную колоннами часовню из известняка, чьи стены покрывали прекрасные барельефы, выполненные с большим искусством. В конце Восемнадцатой династии то ли из-за того, что она разрушилась, то ли потому, что она считалась не соответствующей новому стилю в искусстве, Аменхотеп III использовал ее известняковые блоки вместе с материалами из других разобранных храмов для заполнения своего пилона (см. гл. 13). Недавно их обнаружили и извлекли на свет. Многие из этих блоков оказались неповрежденными, так что возможным стало полностью восстановить часовню на произвольно выбранном месте в Карнаке – целый небольшой храм изящных пропорций, единственный пример сооружения такого типа, сохранившийся от периода Среднего царства.

С древнейших времен Египет вел торговлю с финикийской столицей Гебалом (Библом). Египтяне получали из этой страны вино, различные масла для погребальных целей и кедры с гор Ливана, которые использовали для строительства кораблей, мачт и флагштоков, изготовления саркофагов и различных предметов мебели. В свою очередь, египтяне поставляли золото, изделия из металлов и писчие материалы, в особенности ценный египетский папирус. Купцы отправлялись с караванами по суше, однако больше была развита морская торговля.

Она осуществлялась на египетских кораблях, специально предназначенных для этой цели, так что их называли «библскими путешественниками». Египетская торговля и культура оказали на Библ огромное влияние, хотя на самом деле он не был египетской колонией. Его правитель получал от фараона ценные подарки, с гордостью называл себя по-египетски «Сыном Ра, любимым богами земли его» и использовал египетский царский протокол. Финикийские ремесленники при украшении изделий из металла и предметов прикладного искусства применяли египетские орнаменты и иероглифы, а египтяне, в свою очередь, заимствовали из Финикии определенные процессы обработки металлов.

Власть Двенадцатой династии особенно проявилась в повышении авторитета Египта за границей. Медные рудники Синая, работа на которых остановилась со времен Шестой династии, стали разрабатывать снова. В каменоломни Вади-Хаммамат, расположенные между Нилом и Красным морем, отправлялись экспедиции, чтобы добыть материалы для постройки храмов и вырезания колоссальных статуй. Египетские корабли бороздили воды Красного моря на пути к далекой и почти легендарной стране Пунт, располагавшейся на побережье Сомали, с целью обменять товары из долины Нила на желанные африканские благовония. Фараоны совершали нападения на Ливию и прилагали усилия, дабы распространить влияние Египта в Палестине и Сирии. В глазах правителей-купцов Палестины пресловутые богатства Египта и его престиж служили его торговцам рекомендацией. Некоторые князья, особенно владыки цветущей земли Угарита, столица которых располагалась в месте, сегодня известном как Рас-Шамра, были рады заключить с фараонами союз. Сенусерт I посылал правителю Рас-Шамры подарки. Найденная здесь статуя царевны Хнумет-неферхеджет, супруги Сенусерта II, сфинкс Аменемхета III, обнаруженный близ входа в храм Бала в Рас-Шамре, и скульптурная группа египетского «визиря, судьи и правителя города» Сенусертанха с двумя женщинами из его семьи свидетельствуют, что египетское влияние в этом важном портовом городе и торговом центре было прочно установлено с первых лет правления Двенадцатой династии.

Хотя египтяне в период Среднего царства преуспели в обретении опоры в Палестине и Сирии, их влияние не ограничивалось только прибрежными городами. Сенусерт III, согласно краткому отчету одного из его военачальников, дошел до Секмема – возможно, речь идет о ветхозаветном Сихеме.

Особое значение в период Среднего царства приобрела морская торговля Египта с Критом, однако доказательств тому, что прямые контакты были установлены с Эгейскими островами или материковой Грецией, нет. Наоборот, в Египте Среднего царства найдено мало привозных минойских товаров, среди которых сосуд среднеминойского периода II из гробницы времени Двенадцатой династии в Абидосе и несколько черепков того же периода из Хараги и Лахуна.

Намного лучше мы информированы о египетских военных кампаниях против Нубии в верховьях долины Нила, где условия для сохранения и раскопок памятников более благоприятны. Власть над Нубией была жизненно важной для Египта и из-за торговых связей с Суданом, и из-за доступа к золотым рудникам к востоку от Нила, который она обеспечивала. Войны с Нубией начал Аменемхет I и с определенным успехом продолжал его сын Сенусерт I. Однако окончательно ее завоевание завершил только Сенусерт III. Тогда к Египту была присоединена территория Нубии до района второго порога Нила близ Вади-Хальфа (см. вклейку фото 21), а граница была отмечена надписью почти в 40 милях (около 64 км) дальше этого места. Царь предостерегал своих преемников: «Любой сын мой, который сохранит эту границу, что я сделал, истинно сын мой и был рожден для меня. Ибо хорош сын, защищающий отца своего и сохраняющий границу того, кто породил его. Что же до того, кто потеряет ее и не будет сражаться за нее, он не сын мой и не был рожден для меня». Завоеванные области были защищены укреплениями, часть которых сохранилась до настоящего времени, «чтобы ни один нубиец не мог пересечь границу по воде или по суше... и никакие отряды нубийцев».

Естественно, египетские торговцы проникали вверх по Нилу дальше, чем распространялась политическая власть. В Керме к югу от третьего порога было построено укрепление «Стены Аменемхета» и основана торговая колония.

Одновременно с расширением египетской власти за пределами страны наступил расцвет искусства и литературы. Последующие поколения считали литературные произведения, созданные в то время и немного ранее, в гераклеопольский период, эталонами, и даже во времена господства римских императоров продолжались попытки подражать «классическому» языку того периода.

В течение двухсот лет преемники Аменемхета сохраняли свою власть над Египтом и поддерживали порядок и мир в стране. Однако следующие полтора столетия снова принесли распад. Одновременно с правителями Тринадцатой династии, имевшими фиванское происхождение и обосновавшимися в Иттауи, в Ксоисе в западной дельте пришла к власти Четырнадцатая династия, о которой мало что известно. Обе династии включали большое число царей, которые обычно правили совсем недолго. Есть основания полагать, что при Тринадцатой династии передача трона утратила наследственный характер и что избранные правители нецарского происхождения занимали престол на короткое время, в то время как государственные дела большей частью строго контролировали визири, должность которых передавалась по наследству. Некоторые цари оставили по всей стране множество больших и маленьких памятников, однако зачастую они были выполнены очень грубо. Часть этих людей носила семитские имена. Это явный знак роста азиатского населения, проникавшего в дельту и готовившего сцену для той ужасной катастрофы, которая должна была обрушиться на Египет незадолго до 1700 года до н. э., – завоевания гиксосами.

Глава 3 Гиксосы

Рассказ Манефона о вторжении гиксосов, как и вся написанная им история Египта, не сохранился, но, к счастью, часть его процитировал еврейский историк Иосиф Флавий. Манефон пишет, что в какой-то момент, который мы теперь называем Вторым переходным периодом, «нас поразило проклятие бога». «И неожиданно из областей Востока люди происхождения непонятного пошли с уверенностью в победе против земли нашей. Силой они легко захватили ее, не сражаясь, и, одержав верх над правителями земли, безжалостно сожгли они города наши, сровняли с землей храмы богов, а со всеми жителями обращались с бесчеловечной жестокостью... Наконец они назначили царем одного из своих, которого звали Салатис». Манефон назвал этих захватчиков «гиксосами», что в его переводе на египетский язык означало «цари-пастухи». Он добавляет: «Ибо *гик* на священном языке означает «царь», а *сос* в просторечии «пастух» или «пастухи», отсюда составлено слово «гиксос». На самом деле перевод этого слова Манефоном не совсем верен. В египетском языке действительно было слово *гик*, которое означало «правитель» или «властитель», тогда как второе слово *шос* означало «пастух» на поздних стадиях развития языка. Объяснение Манефона является лишь поздней народной этимологией. На самом деле слово «гиксос» восходит к египетскому выражению *хеку шесут*, которое позднее произносилось приблизительно как *хику шосе*. Оно означает «правители чужих земель». Таким образом, это был египетский титул, хвастливо присвоенный самими вождями гиксосов и позднее, возможно, распространенный египтянами на весь народ захватчиков.

Так кем же были гиксосы? Несмотря на то что в этническом смысле они, вероятно, не представляли единый народ, среди них, без сомнения, преобладали семиты. Присутствие других народов (хурритов или ариев) в настоящее время нельзя считать доказанным. Для всей Западной Азии XVIII век до н. э. являлся периодом нестабильности, известно, что происходили переселения разных народов. Считалось, что миграция гиксосов в Египет представляла самую западную волну этого процесса. Тем не менее археологическое изучение материальных свидетельств, датированных гиксосским периодом, создает лишь расплывчатую картину природы и власти этих захватчиков. Переселение могло начаться с пастухов, двинувшихся в восточную дельту, чтобы пасти свои стада, а позднее усилилось за счет отрядов хорошо вооруженных соплеменников под предводительством честолюбивых людей, восставших против ослабевающей египетской власти в Палестине и Сирии.

Возможно, новое доказательство происхождения гиксосского вторжения можно обнаружить в недавно найденных «текстах проклятий», которые действительно называют иноземных мятежников, считавшихся опасными для Египта. Разделение власти во времена Тринадцатой династии представляло прекрасную возможность для проникновения или вооруженного вторжения с востока. Появившийся гораздо позже рассказ Манефона о том, что гиксосы «со всеми жителями обращались с бесчеловечной жестокостью, убивая одних и уводя в рабство жен и детей других», предполагает военные вторжения вооруженных людей, которые захватили политическую власть и образовали семьи, женившись на местных женщинах.

Считалось, что гиксосы достаточно хорошо и долго жили в Сирии и Палестине, чтобы возвести там большие крепости, такие как Каркемиш, Катна, Газа (Тель-эль-Аджуль) и Шарухен (Тель-эль-Фара). Однако нет доказательств, что строителями этих укрепленных городов были завоеватели Египта, которых мы называем гиксосами. Если это действительно так, то удивительно, что они не строили таких же укрепленных городов в единственной

стране, которой они, как точно известно, правили. Было доказано, что так называемые гиксосские укрепления в Гелиополе и Тель-эль-Яхудии являются всего лишь остатками оснований египетских храмов.

Кроме того, раскопки гробниц гиксосского периода не показывают значительных изменений в погребальных обрядах и разрыва с прежней культурой. Хотя захватчики установили в Аварисе культ Сета, они также продолжали поклоняться местным египетским богам. Правители изображали себя официальными преемниками фараонов. Они приняли традиционный царский протокол, царские имена, включающие имя бога Ра, и называли себя, подобно египетским фараонам, которых сменили, «сыновьями Ра» или «Хорами».

Письменных свидетельств завоевания Египта гиксосы не оставили. Фактически, они почти не оставили крупных памятников. То, что мы о них знаем, собрано по крупицам из множества скарабеев – распространенных в Египте амулетов в виде жуков – цилиндрических печатей и немногих отдельных предметов: небольшого сфинкса с головой царя и семитскими чертами лица, рвущего когтями египтянина, кинжала с характерными изображениями животных на рукоятке, фрагмента палетки для письма, подаренной царем Апопи (одно из самых распространенных имен у гиксосских владык) своему секретарю Ичу. Возможно, самыми большими и единственными по-настоящему «монументальными» следами завоевателей являются несколько блоков каменного сооружения, обнаруженных в нескольких километрах к югу от Фив в Гебелейне, на которых обнаружены имена царей Хиана и Апопи Аусерра.

Эти скудные источники, интерпретация которых требует предельной осторожности, могут свидетельствовать о неограниченной политической власти гиксосов в Южной Палестине или даже еще севернее. Отсюда они двинулись на запад, в дельту Нила, сделали своей столицей Аварис, расположенный на месте Таниса или около него, и затем распространили свою власть дальше. Так называемая Стела четырехсотлетия – памятник, который Рамсес II установил в Танисе, чтобы отметить введение там за четыреста лет до начала династии Рамессидов культа главного бога гиксосов Сета, – может означать, что гиксосы начали владеть в Египте около 1725 года до н. э.

Примерно в то время египетский царь Дедмесу правил в своей древней столице Иттауи близ Мемфиса. Возможно, он был последним независимым правителем Тринадцатой династии, тождественным Тутимайосу, при котором, согласно Манефону, гиксосы вторглись в страну и избрали царем Салатиса. Хотя невероятно, чтобы Салатис или его ближайшие преемники смогли распространить свою власть на весь Египет, надежные доказательства наводят на мысль, что после них стали царствовать более могущественные правители, которые контролировали как Египет, так и Нубию. Попытки разделить их на две гиксосские династии – сильную Пятнадцатую и более слабую Шестнадцатую, – в основном опираясь на стилистическое развитие и (весьма неравномерное) распространение их скарабеев и других небольших памятников, едва ли стоит принимать всерьез. Однако несомненно, что они на значительное время укрепились в Нижнем и Среднем Египте и в Нубии вплоть до укрепленной торговой колонии в Керме, а также, возможно, в Верхнем Египте к югу от Фив.

Рис. 1. Тутмос IV во время битвы с сирийцами. Изображение на царской колеснице из Каирского музея

Как бы то ни было, очевидно, что в последние годы XVII века (ок. 1625 г. до н. э.) произошло восстановление власти национальной династии. В Фивах возвысилась новая семья верхнеегипетских царей – Семнадцатая династия. Эти правители, находясь в унижительном положении данников ненавистных азиатских захватчиков, проявляли все больше своенравия.

О причине их смелости можно только догадываться. Различные обстоятельства могли сложиться так, чтобы пробудить в них надежду на освобождение. Как раз в этот период египтяне впервые воспользовались услугами отрядов меджаев. Эти сильные нубийские наемники стали обязательными участниками военных кампаний следующих столетий.

Кроме того, египтяне теперь, возможно, начали применять лучшие виды оружия, принесенные из Азии гиксосами, – новые типы бронзовых мечей и кинжалов и мощный композитный лук. Кроме того, египтяне впервые использовали лошадей и колесницы. Часто считается, что эти нововведения попали в долину Нила вместе с гиксосами. Возможно, вначале консервативные египтяне с презрением отвергли их, а затем, отчаявшись, были вынуждены перенять их. Однако у нас нет сведений о том, когда северные захватчики впервые использовали против египтян колесницы. Во всяком случае, последние не замедлили признать преимущества этих новых средств ведения войны и обратить их против захватчиков, вторгшихся на их землю. По сути, последующее использование колесниц и нубийских наемников могло служить основным средством, способствовавшим превращению Египта в военную державу. Нет сомнений, что они революционизировали военную силу египтян и обеспечили ей успех в быстром расширении империи, наступившем в скором времени (рис. 1).

Мы не знаем, кто из фиванских правителей Семнадцатой династии первым обратил оружие против гиксосов. Борьба могла быть долгой и жестокой, с победами и поражениями у обеих сторон. Рассказ, записанный во времена Меренптаха, повествует, что фиванский царь Секененра однажды получил от гиксосского владыки Апопи необычное письмо с выражением недовольства, что шум, производимый гиппопотамами в Фивах, мешает ему спать в его дворце в Аварисе (располагавшемся на расстоянии около 643,5 км). Ответ Секененра был умиротворяющим. Это подразумевает, что последний по-прежнему платил дань северным захватчикам и к тому моменту еще не был готов начать войну за освобождение.

Однако, похоже, в конце концов Секененра не смог избежать борьбы. Удача, что до наших дней дошло тело этого фиванского царя. Его мумия, некогда похороненная в небольшой пирамиде к западу от Фив, позднее для защиты от расхитителей гробниц была перенесена оттуда и спрятана вместе с останками многих других фараонов в скрытой расселине недалеко от храмов Дейр-эль-Бахри. Там она покоилась до 1875 года, когда ее обнаружили современные последователи древних грабителей. Они продолжали заниматься своим отвратительным ремеслом до 1881 года, пока их не предали. В результате царские мумии, некоторые из которых все еще покоились в своих изначальных саркофагах, были переправлены в Каирский музей.

Изучение тела Секененра показывает, что царь умер в возрасте примерно сорока лет насильственной смертью на поле боя или же от рук убийц (см. вклейку фото б). Он получил несколько страшных ударов по голове. Если, как можно предположить, его жизнь трагически оборвалась в битве с гиксосами, требуется лишь немного воображения, чтобы восстановить эту картину. Вероятно, Секененра потерял сознание от удара булавой или боевым топором, который сломал ему челюсть слева. Затем его противник нанес несколько смертельных ударов, один из которых разбил лоб царя над правым глазом, тогда как другой проломил череп, так что обнажился мозг. Тело демонстрирует признаки того, что оно проле-

жало там, где упало, достаточно долгое время, чтобы начался процесс разложения. После того как оно было получено, его поспешно обмотали льняными бинтами и похоронили в позолоченном деревянном саркофаге в скромной гробнице. Такая реконструкция событий означала бы военную катастрофу для египтян. Безвременная насильственная смерть фиванского царя была бы серьезным шагом назад в усилиях египтян уничтожить власть гиксосов. В итоге эти захватчики еще какое-то время продолжали наслаждаться властью над большей частью Среднего и Нижним Египтом.

Глава 4

Освободительная война

Вероятно, гиксосы господствовали в Египте уже около полутора веков, когда в освободительную войну вступил сын и преемник Секененра Камес. В то время иноземцы, видимо, управляли страной из Авариса, а также удерживали власть в других местах вдоль Нила, включая по меньшей мере часть областей от Мемфиса до Гермополя через Гераклеополь и Кинополь, а также оазис Бахария в западной пустыне и, возможно, даже удаленные города к югу от Фив, такие как Гебелейн. С другой стороны, столица Камеса Фивы контролировала южную границу в районе Элефантины, значительные территории в Среднем Египте вплоть до Куся и важные плодородные области в дельте. При этом утраченная южная провинция Нубия находилась в руках правителя, вступившего в союз с гиксосским царем из Авариса. Тем не менее в этой сложной ситуации друзья и враги, вероятно, одинаково пользовались некоторой свободой передвижения вверх и вниз по реке.

Молодой честолюбивый Камес мог быть недоволен тем, что приходится делить долину Нила с чужеземцами, и решил освободить Египет от их господства. Мы знаем о его планах и их выполнении из знаменитой надписи, датированной третьим годом его правления и содержащей его собственный рассказ. Ее обломки находили в разное время в течение почти пятидесяти лет. Последняя и самая длинная часть была извлечена из фундамента Карнака в 1954 году. К сожалению, начало рассказа сохранилось во фрагментах, большая часть осколков не найдена, и его сложно перевести полностью.

Решение Камеса присоединиться к борьбе с азиатами было холодно встречено советом вельмож, которые, как ожидал царь, последуют за ним. Довольные сложившимся отношением и опасаясь войны на два фронта с могущественными врагами, правящими в Нубии и Нижнем Египте, они рекомендовали фараону действовать лишь в том случае, если захватчики нападут на них первыми. Камес был рассержен, но не обескуражен советом своего двора. И вот, в сопровождении в основном наемников-меджаев, он отправился вниз по реке, чтобы освободить Египет. Первая битва в Неферуси, к северу от Гермополя, закончилась великой победой Камеса и захватом богатой добычи и множества пленников. В период этой военной кампании впервые в египетских источниках упоминаются лошади, которые, похоже, принадлежали только врагам.

Последующие события войны остались бы для нас тайной, если бы не найденная недавно стела Камеса, которая после большой лакуны завершает рассказ. Очевидно, царь преуспел в организации могучего флота, корабли которого были «выстроены носом к рулю», и продвинулся так далеко на север и восток, что мог посылать суда в область самого Авариса. Египтяне заняли стратегически важный район вокруг столицы неприятеля, откуда велись дальнейшие действия по вырубанию садов и виноградников, захвату лошадей и пленников, мужчин и женщин, сотен гиксосских кораблей с богатыми грузами и полному разорению множества вражеских городов и поселений.

Похоже, военные операции Камеса распространились на большую часть дельты и на оба берега Нила. Когда он находился в одном из оазисов, удачный случай привел к нему посланника с письмом гиксосского царя к его нубийскому союзнику:

«Аусерра, Сын Ра Апопи: «Приветствия моему сыну, правителю Куша! Почему ты действуешь там как владыка, не уведомляя меня, видел ли ты, что Египет сделал мне, как его правитель Камес напал на меня на моей собственной земле (хотя я не нападал на него)?! Он решил разорить эти две земли, мою страну и твою, и уже опустошил их. Ступай же на север, не страшись. Он здесь, рядом со мной. Нет никого, кто сможет встать против тебя в

этой части Египта. Смотри, я не дам ему покоя, пока ты не прибудешь. И тогда мы вдвоем разделим города Египта».

Фараон, довольный тем, что перехватил эту секретную информацию, воспользовался благоприятной возможностью и отправил гонца назад к Апопи с ужасным рассказом о своих успехах в Среднем Египте. Собрал свои силы в Эль-Кесе близ Кинополя, Камес отправил крупный отряд пехоты опустошить оазис Бахария, а сам в решающий момент повел в бой основные силы. Это сопровождалось истреблением огромного количества врагов без потерь с египетской стороны. Наконец с наступлением разлива Нила – неблагоприятного времени для военных действий – Камес с триумфом отплыл вверх по реке в Асьют и Фивы, чтобы отпраздновать победы в Карнакском храме.

По всей видимости, Камес преждевременно умер, и его младшему брату Яхмесу, который унаследовал трон, осталось закончить освобождение страны от гиксосов. Мы относительно хорошо информированы о последующих событиях войны благодаря биографии моряка по имени Яхмес, описавшего на стенах своей гробницы в Эль-Кабе свои заслуги перед царской династией. Еще в молодости он участвовал в осаде Авариса, который Камес, вероятно, так и не смог захватить. Последующие героические поступки приносили молодому матросу одну награду за другой. Он нажил состояние благодаря почестям, вознаграждениям и прочим дарам, включавшим землю и пленников, которые дал ему царь.

С падением Авариса гиксосы утратили свой последний оплот в Египте. Они отступили в Сирию, где были радушно приняты союзом семитских владык. Однако Яхмес был полон решимости помешать любым попыткам азиатов снова стать угрозой для Египта. Узнав, что большая часть гиксосов, покинувших страну, обосновалась в южнопалестинском городе Шарухене, он пересек пустыню и осаждал эту крепость в течение трех лет. Последовавшая сдача азиатов принесла еще больше добычи и почета нашему рассказчику из Эль-Каба.

Так фараон Яхмес закончил начатое его старшим братом. Гиксосы были вытеснены, Египет освобожден от напасти, и страна снова объединилась под властью одного правителя. Однако нубийские союзники Апопи продолжали удерживать южную провинцию в своих руках. «После того как его величество истребил азиатских ментиу [гиксосов], – гласит наш источник, – он отправился на юг в Нубию, чтобы сокрушить нубийские племена пустыни, и его величество учинил страшную резню среди них». Чужеземная угроза была сведена на нет, но даже тогда Яхмес не смог сложить оружие. Дела в стране пришли в беспорядок. Вельможи, которые обрели множество привилегий во времена упадка централизованного государства, естественно, с большой неохотой отказывались от них в пользу могущественных представителей фиванской династии, которые теперь были у власти. Поэтому оставался вопрос, станет ли в долине Нила снова существовать прежнее феодальное государство или же фиванская династия Яхмеса получит верховную власть изгнанных азиатов. Не успел Яхмес вернуться с победой из нубийского похода, как тут же столкнулся с серией вооруженных восстаний в стране. Гражданская война быстро закончилась. Например, предводитель одного из восстаний Тетиан был убит, а его армия уничтожена.

После двадцати пяти лет царствования в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет Яхмес умер. Он был погребен рядом со своими предшественниками. Однако позднее его гробницу осквернили грабители, и царскую мумию в простом саркофаге перенесли в потайную расщелину, где было укрыто тело его отца Секененра. Фараон был женат на своей родной сестре, царевне Яхмес-Нефертари. Она занимала в столице высокую духовную должность «супруги бога», то есть божественной супруги главного бога Фив Амона. Ее авторитет и политическое влияние были так велики, что через несколько поколений она и ее сын, фараон Аменхотеп I, были причислены к святым или полубогам, и к ним, как к божествам-защитникам некрополя, обращались с молитвами.

Едва Аменхотеп I, который около 1546 года до н. э. стал царем после своего отца Яхмеса, взошел на престол, как волнения в Нубии потребовали его личного присутствия на южной границе. Он отправился на корабле ветерана Яхмеса из Эль-Каба «на юг в Куш, чтобы расширить границы Египта и... сразить того нубийца посреди его войска». Разгромив армию противника, царь пересек враждебную страну, захватывая в качестве добычи людей и скот. Экспедиция достигла Верхнего Колодца – источника воды в пустыне, после чего Яхмес за два дня доставил своего царственного господина назад в Египет. Это путешествие было настолько быстрым, что Яхмеса наградили не только «золотом доблести», но и званием «воина правителя». Вскоре Аменхотепу также пришлось сражаться с западными областями, ибо на плодородные луга западной дельты вторглись ливийские племена и захватили множество городов этого района. Новый царь успешно противостоял им, и граница была защищена от дальнейших атак.

Глава 5

Начало золотого века

Аменхотеп I занимал престол в течение двадцати одного года и умер, не оставив наследника. У него не было сына, который стал бы его преемником на троне в качестве «Сына Ра», и право на корону перешло к его сестре, царевне Яхмес. Она вышла замуж за некоего Тутмоса, возможно состоявшего в родстве с царской семьей. Согласно египетскому обычаю, царевна Яхмес не могла править единолично. Увенчать себя двойной короной Египта и принять наследие богов на земле стало бы для женщины поприем всех традиций и устоев. Такое нарушение обычая могло бы привести к самым неожиданным результатам как в управлении государством, так и в отправлении культа в храмах. Чтобы избежать подобных затруднений, наследница передавала власть своему супругу, а сама довольствовалась титулом «великой царской супруги», который носила главная царица. Однако нужно понимать, что Тутмос в результате этой передачи власти постоянного права на престол не получил. В случае смерти царицы это право сразу же переходило к детям покойной наследницы царского рода.

В первый год своего правления молодой царь был вынужден отправиться в Нубию, чтобы усмирить восставшее местное население, которое, вероятно, считало замешательство, сопровождающее смену правителей, прекрасной возможностью сбросить египетское ярмо и избежать выплаты дани. Нашему старому знакомому, капитану Яхмесу из Эль-Каба, снова выпала честь доставить на юг царя и его войско. Фараон, который лично участвовал в битве, «ярился, словно леопард. Его величество выпустил первую стрелу, и она застряла в шее врага того» (нубийского вождя). Как и следовало ожидать, во время этой кампании доблестный Яхмес покрыл себя славой и был награжден титулом «начальника моряков», или «адмирала», как мы можем его расценивать. Война быстро закончилась, и нубийцы снова были замирены. В районе третьего порога близ современного Ханнака на гранитных скалах на восточном берегу Нила напротив острова Томбос на втором году царствования фараона была высечена надпись, которая поэтично описывала его победоносное продвижение во всех направлениях: «Он прошел до пределов земли с победоносной мощью своей, ища того, кто сразился бы [с ним], но не нашел никого, кто обратил бы лицо свое против него. Он проник в долины, которых предки [его] не знали и которые носители корон коршуницы и змеи никогда не видели... Подвластны ему острова моря и вся земля под обеими ногами его». К сожалению, эти высокопарные фразы не совсем соответствовали действительности. Хотя границу покоренной страны к югу защищала крепость, возведенная на острове Томбос, спустя всего два года снова произошло восстание. И опять, как сообщают нам египетские источники, мятежники потерпели поражение, и «презренный Куш» был побежден. Царь плыл вниз по Нилу с триумфом, пройдя на своем корабле через порог Нила в районе Асуана благодаря каналу, специально расчищенному для его путешествия. Хотя позднее в Нубии вспыхивали новые восстания, а попытки суданских племен нападать на египетские колонии повторялись, тем не менее Тутмос I в результате этой кампании действительно расширил нубийские владения Египта, и с того времени эта территория с небольшими перерывами пользовалась благами мирного режима.

Между этими двумя нубийскими походами Тутмос I провел еще одну кампанию, которая имела огромное значение, поскольку определила направление внешней политики Египта на столетия вперед. Речь идет о военной экспедиции в Сирию. Вспомним, что уже во времена Двенадцатой династии Сенусерт III достиг по меньшей мере территории Южной Палестины, тогда как спустя двести лет основатель Нового царства Яхмес после долгой осады

захватил крепость Шарухен. Однако теперь Тутмос попытался подчинить влиянию своей империи южные области Западной Азии, так же как он завоевал земли к югу от Египта. Он пересек Сирию, не встретив сопротивления, и достиг верхних областей Евфрата в Стране Двух Рек – Нахарине. Когда наконец правитель той области вывел свои войска, чтобы встретить египетских захватчиков, Тутмос одержал крупную победу, убив множество врагов. «Бесчисленны были пленники, которых царь захватил при победе его». Прежде чем покинуть место своего триумфа, Тутмос велел установить на берегу Евфрата стелу, рассказывающую будущим поколениям о его подвигах. Из всех диких, с которыми египтяне столкнулись в открывшемся им новом мире, самой удивительной, несомненно, являлась река Евфрат. Нил, который был до тех пор единственной рекой, известной им, тек с юга на север, поэтому суда использовали ветер, когда плыли на юг, вверх по течению, и течение, когда двигались в противоположном направлении. Однако теперь жители долины Нила оказались на берегах могучей реки, которая текла с севера на юг и по которой, соответственно, – этого просто не может быть! – нельзя плыть на север, используя течение. Поэтому возвратившиеся домой египетские солдаты никогда не уставали рассказывать о «перевернутой воде, текущей на юг, когда [она должна была бы] течь на север». На самом деле выражение «перевернутая вода» сразу стало египетским названием реки Евфрат.

Успех, которого молодой Тутмос добился в этом первом наступлении Египетского государства в Западную Азию, был поистине блестящим, и царь вполне имел право хвастаться, что южные пределы его империи простираются до третьего порога Нила, а северная граница достигает Евфрата, «никогда подобное не случалось с другими царями». В действительности же победа над сирийскими областями являлась эфемерной. При приближении египетского войска сирийские владыки и города поспешили выразить покорность, послав фараону дань, однако, едва захватчики удалились, они не только перестали посылать дары, но к тому же явно готовились сопротивляться повторному вторжению египтян.

От союза Тутмоса I с «великой царской супругой» Яхмес родилось четверо детей: сыновья Уаджмес и Аменмес и дочери Хатшепсут и Неферубити. Однако женой фараона была также другая царевна – некая Мутнеферет, которая состояла в близком родстве с Яхмес, возможно, даже доводилась ей младшей сестрой. Мутнеферет родила фараону сына, которого назвали Тутмосом в честь отца. Впоследствии он стал царем Тутмосом II. Согласно египетской традиции, только дети Тутмоса I от царевны-наследницы Яхмес обладали законным правом на престол. Соответственно, поскольку царевичи Уаджмес и Аменмес и, по всей видимости, их сестра Неферубити умерли в младенчестве или же в юности, пока их отец был еще жив, единственной законной наследницей престола оказалась царевна Хатшепсут. Тем не менее, как и ее мать, будучи женщиной, она не могла взойти на трон как «царь», а лишь обладала правом передать корону своему супругу и сохранить права на престол для своих детей. Поэтому, чтобы разрешить династическую дилемму и предотвратить переход власти в руки другой семьи, который мог бы произойти в случае брака Хатшепсут с чужаком, Тутмос I заставил дочь выйти замуж за ее младшего сводного брата Тутмоса. Такие браки между братьями и сестрами не вызывали у древних египтян никакого отвращения. Разве бог Осирис не женился некогда на своей сестре Исиде (см. гл. 12)? Обеспечив таким образом преемственность власти, Тутмос I правил до конца своих дней. Когда в 1508 году до н. э. он скончался, то «отправился на небо, закончив свои дни в радости сердца. Тогда сокол, что был в гнезде, появился... как царь Верхнего и Нижнего Египта». Тутмос II «принял власть над Черной землей [Египтом] и начал править Красной землей [чужеземными областями], ибо он владел Обеими Землями [Египтом] с триумфом».

Хотя предыдущие цари, резиденция которых находилась в Фивах, построили свои гробницы в пустынной равнине к западу от Нила, Тутмос I велел вырубить усыпальницу в уединенной долине Ливийской пустыни, известной современным египтянам как Бибан-эль-

Мулук («Двери царей») (см. вклейку фото 7). Вельможа, живший в то время, хвалится, что ведал постройкой царской гробницы, которая велась втайне, «никто не видел, и никто не знал». Гробница не была особенно большой. Она включала прямоугольный в плане вестибюль, куда вела круто спускавшаяся лестница, тогда как вторая лестница вела в помещение с колоннами, где должен был стоять саркофаг фараона. Трудно установить, почему Тутмос порвал с древней традицией, требовавшей, чтобы царская гробница была сооружена в форме пирамиды. Возможно, он уже осознал, что усыпальницы прежних фиванских царей, расположенные близ обрабатываемых земель и поселений, слишком удобно было грабить. Так или иначе, Тутмос избрал для своей гробницы эту уединенную долину вдали от населенных мест. Разумеется, в узкой пустынной долине не было места для заупокойного храма, который являлся обязательным дополнением к гробнице фараона. Следовательно, его нужно было построить далеко от высеченной в скале усыпальницы и расположить как отдельно стоящее здание в самой долине Нила на узкой полосе пустыни, отделявшей возделываемую землю от склонов пустынных гор.

Примеру Тутмоса I веками следовали его преемники, так что гробницы одна за другой добавлялись к постепенно удлиняющемуся ряду усыпальниц в уединенной Долине царей. Когда во времена правления римского императора Августа Египет посетил греческий географ Страбон, он упомянул примерно о сорока превосходно выполненных гробницах фараонов, большинство из которых нам известны и сегодня.

К моменту восхождения на престол и коронации Тутмосу II исполнилось не более двадцати лет. Он имел хрупкое телосложение и настолько слабый характер, что находился под полным контролем царицы-матери Яхмес и своей весьма энергичной и не менее честолюбивой супруги Хатшепсут.

Примерно в это время в Египет пришли тревожные вести о волнениях в провинциях империи. Такая ситуация часто повторялась при смене правителя. В Нубии вспыхнуло восстание, и египетские жители страны со своими стадами укрылись за «стенами крепостей, которые... Тутмос I построил, чтобы сдерживать непокорных иноземцев». Они, должно быть, включали укрепление на Томбосе и другие крепости подобного характера. Когда стало известно о восстании, «его величество разгневался, словно леопард, услышав это. Тогда его величество сказал: «Пока я живу, пока люблю Ра, пока восхваляю отца моего, господина богов Амона, владыку Карнака, я не позволю ни одному из их мужей жить!» Тогда послал его величество большое войско в Нубию... чтобы повергнуть всех, кто восстал против его величества и взбунтовался против господина Обеих Земель. Войско это достигло презренной страны Куш. Мощь его величества вела его, и ужас перед ним расчищал путь его. Потом войско его величества сокрушило этих варваров, и никому из их мужей не было позволено жить, как и велел его величество, кроме одного из сыновей правителя Куша, который был привезен как пленник вместе с [несколькими] слугами их в место, где был его величество, и помещен под ноги Благого Бога [царя]».

Тутмос появился на балконе дворца и приказал, чтобы к нему привели пленников. Так Нубия снова стала «владением его величества, как это было изначально, люди были в ликованиях, вельможи радовались, возносили они хвалы господину Обеих Земель и славили этого великого бога [царя] в соответствии с его божественностью».

Мало что еще известно о военных кампаниях Тутмоса II, за исключением похода в страну Шасу, который едва ли являлся чем-то большим, нежели нападением на кочевников Синайского полуострова или Сирийской пустыни.

Благодаря удивительной иронии судьбы женитьба Тутмоса II, как и брак его отца, не привела к появлению наследника мужского пола. Поскольку у него родились лишь две дочери, снова возникло беспокойство о том, кто займет престол в случае его ранней кончины – что было вполне вероятно, учитывая его слабое здоровье. Поэтому, чтобы сохранить

власть династии, Тутмос назвал своим наследником малолетнего сына от младшей жены – мальчика, которого тоже звали Тутмосом. Он назначил этого ребенка своим соправителем и, чтобы придать еще больше силы своему выбору, женил его на его сводной сестре Меритре, которая была дочерью Тутмоса II и Хатшепсут и, соответственно, истинной наследницей престола.

Поэтому после смерти Тутмоса II (около 1504 г. до н. э.) этот молодой царевич взошел на трон и был коронован как Тутмос III. Однако он не смог принять бразды правления. В годы его несовершеннолетия его мачеха и теща (благодаря его женитьбе на Меритре) – вдова царя Хатшепсут – приняла на себя управление страной. Один из чиновников того времени описал эту примечательную ситуацию цветистым египетским языком:

«Тутмос II отправился на небо и присоединился к богам. Его сын [Тутмос III] вступил на его место как царь Обеих Земель и правил на троне того, кто породил его. Его сестра [в действительности сводная сестра Тутмоса II], «супруга бога» Хатшепсут, управляла страной. Обе Земли были под ее волей и служили ей. Египет был в повиновении... ибо она была правительницей, прекрасной планами, которая убеждала Обе Земли речами своими».

Несмотря на то что Хатшепсут полностью контролировала правительство, тогда как юный царь оставался в тени, все же официально она являлась не больше чем вдовой царя, «божественной женой [супругой бога] и великой царской супругой» умершего фараона. Рельефы периода регентства изображают ее стоящей позади Тутмоса III.

Однако через несколько лет она пренебрегла своими ограничениями из-за честолюбия или по другим причинам, нам неизвестным. Вместо того чтобы отказаться от регентства, как только Тутмос III достиг совершеннолетия, Хатшепсут присвоила титулы правящего фараона Египта. Теперь она стала называть себя «Хором [женского рода], царицей [по-египетски слово «царица» писалось точно так же, как слово «царь»] Верхнего и Нижнего Египта, дочерью Ра» и, в соответствии с древней традицией, особым царским именем Камаатра (Мааткара). Из длинного ряда титулов и эпитетов фараона, которыми привыкли пользоваться египетские цари, Хатшепсут не стала принимать лишь один. Это было обозначение «могучий бык», которое, понятно, едва ли подходило женщине, даже если она являлась царицей.

Чтобы оправдать узурпацию, была использована древняя догма о божественном происхождении царя, примененная к рождению Хатшепсут. Когда та была зачата, ее мать посетил сам бог Амон, то есть она появилась на свет благодаря прямому вмешательству богов. Когда эта божественная царевна выросла, как она сообщает нам, ее отец Тутмос I доверил ей царские обязанности, и довольный народ провозгласил ее царем. Хатшепсут описывает себя как ту, на кого «смотреть прекраснее всего, с обликом и духом бога... прекрасную деву, молодую, спокойную нравом... божественную». Она сопровождала отца во время его поездок в дельту. Тогда все боги «пришли к ней... Хатхор из Фив, Уаджет из Буто, Амон, владыка Карнака, Атум из Гелиополя, Монту [бог войны], владыка Фив, Хнум, владыка порога [Нила], все боги Фив, воистину все боги Верхнего и Нижнего Египта», обещая ей защиту и удачное правление, если в будущем она посвятит себя служению богам и храмам.

Рельефы, статуи и сфинксы изображают Хатшепсут в традиционном одеянии фараона. Она часто появляется в обычной царской юбке с привязанной к подбородку церемониальной бородкой, которая с незапамятных времен являлась царским символом, тогда как ее голову украшает одна из многочисленных царских корон или характерный для царей платок, сложный особым образом. Нет причин сомневаться в том, что она была красавицей, одаренной не только женским очарованием (см. вклейку фото 8), но и выдающимся умом, сильным характером и волей. Более того, в дополнение к этим качествам ей очень повезло в вельможе Сененмуте обрести советника и визиря, способного поддержать ее жажду власти и воплотить ее планы в жизнь.

Будучи человеком незнатного происхождения, Сененмут уже в ранней юности поступил на службу в храм Амона в Карнаке и вскоре смог занять ряд важных должностей. Каким образом он приобрел связи, которые привели к его близким отношениям с царственной госпожой и благодаря которым он заслужил не только ее доверие и благосклонность, но, возможно, и ее любовь, является темной страницей истории. Нам известно лишь, что она осыпала его бесконечными почестями, подобных которым никогда не находили «в письменах предков», и назначила его наставником или, как египтяне выразили это, «великим воспитателем» своей дочери, царевны Нефруры. В этом качестве он изображается на нескольких гранитных статуях, установленных в Карнакском храме (см. вклейку фото 9). Он сидит на земле, согнув колени и держа свою воспитанницу, завернутую в его просторное одеяние, которое целиком покрывает длинная иероглифическая надпись. На правом виске у царевны длинная прядь волос (у египтян так было принято изображать детей), а змея-урей на лбу и церемониальная борода указывают на нее как на будущего законного «царя».

В правление Хатшепсут впервые со времен распада Среднего царства Египет наслаждался периодом экономического процветания. В столице – Фивах, а также других городах страны велось широкое строительство. Возводились величественные храмы, святилища, разрушенные или заброшенные при гиксосах были отреставрированы, а культы учреждены снова. Однако особое внимание царица уделяла большому храму Амона. Красноречивым свидетельством строительных работ в Карнаке до сих пор являются возведенные ею залы и дворы и, прежде всего, два гигантских обелиска высотой около 29,5 метра, которые она установила. Эти колоссальные монолиты из красного гранита были вырублены в каменоломнях Асуана под руководством Сененмута в течение короткого времени – семи месяцев. Затем их перевезли по Нилу в Фивы и установили в первом дворе большого храма Амона, где один из них стоит до сих пор и как особый символ древнего святилища гордо вздымает свою пирамидальную вершину над окружающим хаосом (см. вклейку фото 10). Трудно сказать, сколько труда нужно было потратить на создание этих двух замечательных памятников. Сохранившийся обелиск имеет высоту 29,7 метра, содержит приблизительно 137,6 кубического метра гранита и весит около 317,5 тонны. Какое упорство в достижении цели и какое количество рабочих нужно было собрать, чтобы вырубить в каменоломнях эти колоссальные памятники, доставить их к Нилу, погрузить их на корабли и, наконец, установить их на пьедесталах! Вершины обелисков покрывало золото, чтобы их «можно было увидеть на обоих берегах реки и чтобы их лучи заполняли Обе Земли, когда солнце восходит между ними, когда оно появляется на горизонте неба». Длинная надпись, высеченная на основании обелисков, объявляет будущим поколениям, что царица сделала их «в качестве ее памятника для отца ее Амона, господина Карнака», что каждый из них состоит из цельного блока гранита и что она приказала их воздвигнуть, чтобы ее «имя могло продолжало существовать в храме этом вечно-вековечно».

Молодой энергичный Тутмос III против желания наблюдал за своевольным правлением «фараона» Хатшепсут и быстро добившегося успеха визиря Сененмута. Однако и его час наконец пробил. Он смог свергнуть Сененмута и изгнать вместе с ним ряд важных сановников Хатшепсут. Примерно в 1482 году до н. э. она, как мы вполне можем предположить, умерла насильственной смертью. Ее дочь Нефрура, очевидно, скончалась раньше матери. Со смертью этих двух женщин прежняя царская династия угасла, и короной безраздельно завладел Тутмос III. Его цель наконец осуществилась, и ему и его потомкам было обеспечено единовластное царствование над Египтом. Фараон обрушил всю ярость своей мести на умерших, при жизни мешавших его замыслам. Он решил, что память о них должна исчезнуть с лица земли. Везде, где на стенах храмов появлялись имена или изображения Хатшепсут, они были сколоты и заменены именами и изображениями Тутмоса I, Тутмоса II или Тутмоса III. За исключением мест, куда невозможно было добраться, или не замеченных гонителями, ее

имя было полностью стерто. Статуи и сфинксы, которые она воздвигла в своем прекрасном храме в Дейр-эль-Бахри, были разбиты на куски и сброшены в ближайшую каменоломню.

Тутмосу III (см. вклейку фото 1) исполнилось примерно тридцать лет, когда он стал править самостоятельно. Двадцать лет миновало с тех пор, как он взошел на трон после смерти своего отца. Хотя он, похоже, не встретил никакого сопротивления своей власти в самом Египте, на восточной границе империи, в Палестине, где господство Египта никогда не было особо сильным, сгустились тучи, которые в любой момент угрожали обернуться насилием. Поэтому царь решил немедленно покинуть долину Нила в поисках лавров покорителя чужих земель. Он завоеует для Египта области Азии, покорение которых уже начал его дед Тутмос I, и надолго сделает их частью Египетской империи.

Глава 6

Западная Азия в середине 2-го тысячелетия до н. э

Территория Сирии с ее процветающими городами и плодородными долинами, гаванями, имеющими стратегическое значение, и жизненно важными караванными путями, ведущими в Малую Азию и могущественные империи, расположенные на берегах Тигра и Евфрата, являлась главной целью египетских завоевательных походов. Сама Сирия – гористая страна, с юга отделенная от Египта пустыней и горной цепью, проходящей по Синайскому полуострову. На севере похожую преграду между Сирией и Малой Азией представляют горы Тавр. По направлению к Средиземному морю на западе местность резко понижается, узкая береговая полоса немного расширяется на юге. На востоке до берегов Евфрата простираются сухая и непривлекательная Сирийская пустыня, которая на самом деле продолжается на другом берегу реки до реки Тигр. Все Сирийское нагорье с севера на юг прорезает глубокий разлом. Северную его часть орошает река Оронт. В центральной части находится долина, ограниченная горными цепями Ливан и Антиливан – древние называли ее Келесирией – и орошаемая верхним течением Оронта и Литани, а южное продолжение огромного узкого ущелья включает долину реки Иордан и Мертвое море. Сначала египтяне называли Сирию и Палестину «Речену», а позднее «Хор». Это наименование происходит от хурритов (библейских хореев), которые долгое время господствовали в этой области. Территория вдоль Средиземного моря от Ашкелона к северу до горной цепи Ливан и в глубь страны до Галилейского моря именовалась «Джахи», а район к северу от этого горного хребта был известен как «Амурру». Все «национальные» границы, естественно, были изменчивыми и неясными.

В период, когда египетские фараоны, и особенно Тутмос III, вели войны в Сирии, этой землей еще не владели евреи. Палестину, Келесирию и прибрежную долину населяли семитские племена, обычно именуемые ханаанеями, которые говорили практически на том же языке, что и евреи. Гиксосы после ухода из Египта также владели здесь укрепленными городами. Дальше к северу, в долине Оронта и на восток до Дамаска, территорию занимали арамеи – семитские народы, часть которых являлась кочевниками и путешествовала по обширным пространствам Сирийской пустыни. Они также говорили на диалекте, не слишком отличавшемся от ханаанейского. Мы встречаем этих семитских «варваров» на многих египетских памятниках, и никогда не оставалось сомнений, что египтяне считали их совершенно чуждыми, обладающими необычным обликом и носящими странную одежду. Даже их телосложение разительно отличалось от телосложения египтян: последние были стройными и худощавыми, сирийцы же имели более плотное телосложение и зачастую были склонны к полноте. Жители долины Нила привыкли брить волосы и бороды и носить парики, а иноземцы позволяли волосам и бородам отрастать. Их густые волосы сзади закрывали шею и обычно придерживались чем-то вроде повязки надо лбом. Их желтовато-коричневые лица обрамляли густые темные остроконечные бороды (см. вклейку фото 11). Египтяне обычно носили белые одежды, лишённые узоров, тогда как азиаты предпочитали сотканые или вышитые наряды с узорами ярких цветов.

В тот период, о котором идет речь, в Сирии в связи с природными условиями не сложилось мощное единое государство. Вместо него мы находим небольшие государства, каждое из которых возглавлял царь, вероятно являвшийся выходцем из земельной аристократии. Центром такого государства был город, защищенный зубчатыми стенами и башнями, куда все сельское население стекалось в случае, если ему угрожали вторгнувшиеся враги. Однако на эти города очень часто влиял дух борьбы и разногласий между представителями

знати, каждый из которых постоянно надеялся добиться власти. Вдобавок между многочисленными городами шла бесконечная война, мир наступал, как правило, только когда всем угрожала опасность от общего врага. Поэтому разделение страны на мелкие города-государства, а также расположение между Египтом и Вавилонией были основными причинами того, что с древнейших времен она попадала под политическое влияние той или иной великой державы Древнего Востока.

Уже в начале 3-го тысячелетия до н. э. вавилонские купцы в поисках желанной древесины из лесов, покрывавших горы Ливана, старательно путешествовали по караванному пути, ведущему из Вавилонии вверх по Евфрату, а затем через Алеппо и Хамат в долину Оронта. Вскоре за торговцами последовали вооруженные воины. Примерно в 2350 (или 2600 году до н. э., если следовать «длинной» хронологии других специалистов) Северная Сирия вплоть до гор Ливана и Тавра была завоевана вавилонским царем Саргоном I. В результате Сирия получила дополнительный стимул в развитии своей к тому времени уже древней культуры. Сюда были принесены вавилонские легенды о богах, которые рассказывались там снова и снова. Поэтому можно допустить, что рассказ о великом потопе, из-за которого весь род людской, за исключением одного богобоязненного человека и его семейства, был уничтожен, возник в Вавилонии, затем был принесен в Сирию и, наконец, нашел путь в библейский рассказ о Всемирном потопе и спасении Ноя.

Однако самым серьезным доказательством культурного влияния Вавилонии на земли Сирии является тот факт, что здесь были введены вавилонский (аккадский) язык и клинопись, которые на века стали международным средством дипломатических и торговых связей во всей Западной Азии, так же как арамейский при персидских царях и французский в Европе XVIII и XIX веков.

Это распространение клинописи тем более примечательно, поскольку она никоим образом не делает овладение искусством письма легким. С его многочисленными знаками, обозначающими слова и слоги, оно делало сложным умение как писать, так и читать. И все же мы видим, что еще в XV веке до н. э. сирийские правители составляли письма друг к другу при помощи этой уникальной системы письма, и даже писцы при египетском дворе были вынуждены изучать ее, чтобы переводить для своего царственного господина документы, стекавшиеся в Египет со всех частей Западной Азии. В Угарите (Рас-Шамре) развилась особая упрощенная система письма, которая в виде клинописных символов отпечатывалась на глиняных табличках, подобно более сложной аккадской системе. Она состояла из двадцати девяти алфавитных знаков, большей частью согласных, которые использовались для записи семитского языка, неизвестного до открытия табличек из Рас-Шамры.

В то время как Вавилония продолжала быть тесно связанной с Северной Сирией и оказывать существенное влияние на ее культуру, Египет со времен древнейших царей развивал активные торговые отношения с Южной Сирией и финикийскими городами побережья, особенно с Библом. Мы знаем, что предшественник Хуфу, фараон Снефру, повелел, чтобы в Египет пришли сорок кораблей, груженых ливанским кедром, который использовался для его строительных проектов. Нет сомнений, что эти суда были нагружены в финикийских гаванях. Египтянам была известна богиня-покровительница Библа, которую они отождествили со своей богиней Хатхор и которая, таким образом, превратилась для них во владычицу сирийских земель. Мы уже видели, какие активные торговые отношения Египет вел с Рас-Шамрой в период Среднего царства (см. гл. 2), а возможно, и с другими городами Палестины и Сирии.

Помимо множества мелких сирийских государств период до конца XIV века до н. э. стал свидетелем развития на Ближнем Востоке четырех великих империй, которые в последующие столетия вступили с Египтом в войну или мирные отношения.

Первой из них была Вавилонская империя на Евфрате, которая достигла вершины могущества в конце XVIII в. до н. э. при сильной семитской династии царя Хаммурапи. О ее глубоком культурном влиянии на другие страны Западной Азии уже упоминалось. Постепенно она сдалась таинственным касситам – народу, который мог проникнуть на юг из своего прежнего места жительства, Кавказского региона. Их почти четырехсотлетнее владычество в Вавилонии оставило о них поразительно мало сведений. Вероятно, они обладали невысокой самобытностью и особенностями и вскоре впитали культуру, которую обнаружили на новом месте своего проживания. Их религия носила необычайно абстрактный характер, особое значение уделялось морали. Боги ожидали от людей праведности, защищали честных и отворачивались от грешников. Антропоморфизации богов избегали, и эта тенденция оказала на касситское искусство огромное влияние. Их скульптура невыразительна, и даже цилиндрические печати показывают не изображения богов, а клинописные тексты. Касситские правители вели активную переписку со своими «братьями» – египетскими царями, в основном повторяя просьбы о золоте и высказывая тщетные надежды на династический брак с египетскими царевнами.

Ко второй половине 2-го тысячелетия до н. э. в Ассирии начался период упадка. Вначале ее затмили вавилонские преемники Хаммурапи, а позднее – растущее господство хурритов. Возрождению этой второй из азиатских империй было суждено произойти спустя несколько столетий, когда от своей столицы Ашшура, расположенной на реке Тигр, она расширилась во всех направлениях.

К западу от Ассирии располагалась третья великая империя – держава хурритов, известная египтянам как Митанни и Нахарина. Население, похоже, подчинялось правящему классу арийцев (марианна) – владельцев лошадей и колесниц, носивших индийские имена и поклонявшихся таким индийским божествам, как Индра, Варуна, Митра и Насатья. Начав свою историю с множества крошечных городов-государств, Митанни в XV и XIV веках до н. э. постепенно превратилось в могущественную империю, протянувшуюся от Загроса до Средиземного моря и от озера Ван до Ашшура и Аррафы (Киркука). Точное расположение их столицы Вашшуканни археологи пока не установили, а расшифровка языка и перевод литературы только начаты. Среди главных хурритских божеств, которых почитали помимо индийских богов марианна, были Кужух, Шимиге, Тешуб, Хебат и главный бог-отец Кумарби, который удивительно похож на греческого Кроноса. И религия, и литература хурритов оказали глубокое влияние на хеттов, живших к северу. С начала Восемнадцатой династии между Митанни и Египтом существовало сильное соперничество за контроль над Западной Азией. Со временем оно смягчилось благодаря династическим бракам. Наконец, внутренняя борьба, возможно связанная с расовым неравенством населения, подорвала существование недолговечной Хурритской империи, и в итоге она уступила хеттам, превратившись в жалкое буферное государство рядом с возрождающейся Ассирией.

Четвертой и самой могущественной империей Западной Азии была империя хеттов, расположенная в Анатолии – сердце Малой Азии, в районе, орошаемом большой излучиной реки Галис. Ее столицей являлась Хатгуса (Богазкёй), располагавшаяся примерно в 145 километрах к востоку от современной Анкары. Во время раскопок ее развалин обнаружили государственные архивы и библиотеки, состоящие из тысяч глиняных табличек. Они составлены на разных языках, на которых говорили в этой империи. Сами хетты говорили на индоевропейском языке, который на табличках записывали клинописью, а на каменных памятниках – неродственной системой иероглифов. Однако в качестве международного языка дипломатии они продолжали использовать аккадский. У хеттов были разные слои общества, жившие во множестве городов-государств. Постепенно они объединились в монархию во главе с царем, который, в отличие от обычных восточных теорий о божественном правителе, считал себя просто человеком и подданным богов. Вначале его избирали представители

знати, и лишь позднее, после ожесточенной и кровопролитной борьбы за трон, царь получил возможность при строгих ограничениях назвать своего преемника. В течение нескольких веков изменчивой судьбы хеттские цари обрели стабильное правительство и распространили проясняющий «свод законов», главный упор в котором делался скорее на возмещении и личном благополучии, чем на уголовном праве и кровной мести. Династия способных правителей преуспела в завоеваниях на большой территории, несмотря на давление Митанни с юга. Через некоторое время, когда в амарнский период Митанни лишилось поддержки Египта, величайший из хеттских царей Суппилулиума выступил со своей армией во всех направлениях и быстро присоединил к своим владениям Северную Сирию до гор Ливана, государства Малой Азии и некогда могущественное государство Митанни. Именно в тот период расцвета могущества хеттов вдова Тутанхамона отправила отчаянную просьбу к принцу хеттов, чтобы он стал ее супругом на троне Египта (см. гл. 15). Начиная с этого времени Хеттская империя в течение нескольких столетий считалась самым непримиримым соперником Египта в борьбе за господство на Востоке.

Глава 7

Завоевания Тутмоса III

В двадцать пятый день восьмого месяца на двадцать втором году своего правления фараон Тутмос III миновал крепость Чару (Силэ), находившуюся на восточной границе Египта, «чтобы отразить тех, кто напал на границы Египта» и истребить тех, кто «склонен восстать против его величества». В Центральной и Северной Палестине образовался союз трехсот тридцати местных князей, душой которого являлись гиксосы, изгнанные из Авариса и Шарухена. В его распоряжении был царь Кадеша, который решил силой оружия противостать любым попыткам Египта установить свое господство в Сирии. Похоже, лояльной по отношению к фараону осталась лишь Южная Палестина. После того как приготовления были завершены, Тутмос отправился в поход по большой военной дороге, которая тогда, как и сейчас, начинаясь в Кантаре (в районе современного Суэцкого канала), шла вдоль побережья Средиземного моря. В четвертый день девятого месяца на двадцать третьем году правления, в годовщину своего восшествия на престол, фараон прибыл в Газу. Проход продолжился через Ашкелон, Ашдод и Ямнию, где египетская армия, очевидно, покинула дорогу, проходящую через пустыню и связывавшую Ямнию с Яффой, чтобы пойти караванным путем в глубь страны вдоль предгорий и через горную цепь Кармель. Через одиннадцать дней после того, как Тутмос покинул Газу, он достиг города Ихем у подножия горы. Там ему сообщили, что враги расположились на другой стороне, в Ездзелонской долине, и избрали в качестве центра своей обороны укрепленный город Мегиддо.

Было необходимо перейти через горы и вступить в бой с врагами рядом с Мегиддо. Единственное, что вызывало сомнение, – это путь, который следовало выбрать. Всего существовали три возможности. Первый и ближайший путь вел из Ихема через Аруну прямо в Мегиддо, он проходил по узкому ущелью, где армия могла продвигаться медленно, «лошадь за лошадью и человек за человеком». Кроме того, существовала вполне реальная опасность, что враги могут вступить в бой с авангардом египетской армии, как только он выйдет из ущелья на открытое место, и с легкостью уничтожит его прежде, чем остальное войско сможет подоспеть с подкреплением. Два других пути были длиннее, но безопаснее.

Царь созвал военный совет, чтобы выработать решение о правильном пути для похода. Все считали, что следует отказаться от ближайшего, но самого опасного пути в пользу одного из двух других. Однако Тутмос принял этот совет за проявление трусости и высказал мнение, что враги также припишут страху выбор любого, кроме прямого, пути на поле битвы. Перед своим войском фараон воскликнул: «Поскольку Ра любит меня, и отец мой Амон хвалит меня, я пойду по этой дороге на Аруну; пусть тот из вас, кто [желает], пойдет по тем другим путям, что вы назвали, и пусть те из вас, кто [желает], последует за моим величеством». Так была выбрана самая сложная и опасная дорога. Войско отправилось в поход и через три дня достигло Аруны. После ночного привала на вершине ранним утром оно спустилось в Ездзелонскую долину. Царь лично отправился с авангардом своей армии и, медленно пройдя по узкому ущелью, уже спустился в долину, когда основная часть его армии все еще находилась в горах, а арьергард еще даже не покинул Аруну. И тем не менее ужасного нападения врагов не произошло. В боевом порядке они расположились перед воротами Мегиддо и по какой-то непонятной причине не сделали попытки помешать продвижению египтян. Соответственно, Тутмос смог без помех привести свое войско в долину и расположиться в укрепленном лагере. Солдаты отдохнули ночь и набрались сил, чтобы встретить врагов на следующий день. Битва началась на рассвете. Фараон поднялся в свою «золотую колесницу, украшенный своими военными доспехами, словно Хор, могучий рукою, и фиван-

ский Монту» и занял место во главе войска. Враги дрогнули перед яростной атакой египтян и бросились бежать к городским стенам. Они обнаружили, что жители уже закрыли ворота, и потому беглецов, включая правителя Кадеша, который стоял во главе восстания, и самого правителя Мегиддо, пришлось втаскивать через стену, используя их одежды вместо веревок. Потери врагов благодаря их стремительному бегству были весьма незначительны, погибли только восемьдесят три человека, чьи руки были отрублены и сложены перед фараоном, и триста сорок попали в плен. Однако весь лагерь союзников оказался в руках египтян, включая огромное количество боевых колесниц и лошадей, брошенных их владельцами. Египетские солдаты так жадно набросились на богатую добычу, что полностью упустили возможность преследовать неприятеля и захватить город. Упреки фараона были бесполезны: они пришли слишком поздно. Итак, он был вынужден осадить Мегиддо, «захват которого являлся захватом тысячи городов», и благодаря блокаде, продолжавшейся семь месяцев, морить его голодом, чтобы заставить подчиниться. Вокруг города были выкопаны рвы и возведены валы, чтобы предотвратить любую попытку сделать вылазку. Разумеется, окончательная капитуляция была неизбежна. Правители лично вышли из города и упали в ноги фараону, чтобы «попросить дыхание для ноздрей их».

«Тогда этот упавший [владыка Кадеша] вместе с князьями, что были с ним, сделал, чтобы все их дети вышли к моему величеству со многими предметами из золота и серебра, всеми их лошадьми с их сбруей, их большими колесницами из золота и серебра с их раскрашенными частями, всеми их боевыми доспехами, их луками, их стрелами и всем их оружием – несомненно, теми вещами, с которыми они пришли воевать против моего величества. И теперь они принесли их в качестве дани моему величеству, пока стояли они на стенах своих, прославляя мое величество, чтобы могло им быть даровано дыхание жизни.

Тогда мое величество заставил их принести клятву и сказать: «Никогда впредь в нашей жизни не сделаем мы зла против Менхеперра [тронное имя Тутмоса III] – да живет он вечно – нашего господина, ибо мы видели силу его. Пусть он только даст дыхание нам согласно желанию его...»

Тогда мое величество даровал им дорогу в города их, и они отбыли, все они, на ослах. Ибо забрал я их лошадей, и забрал я жителей их в Египет и также собственность их».

Итак, добыча, захваченная во время первого нападения под стенами города, увеличилась после осады во много раз. Были получены 2041 лошадь, 191 жеребенок, 924 колесницы, 892 из которых были обычного качества, тогда как остальные были богато отделаны золотом и серебром, как описано выше, а также множество полезного оружия. Царский дворец в Мегиддо был разграблен, добыча включала не только 87 детей самого правителя и союзных владык, но и 1796 мужчин и женщин более низкого ранга, а также других людей, и большое количество дорогой домашней утвари, включая кувшины из золота и другие сосуды, предметы мебели, статуи и другие вещи, слишком многочисленные, чтобы их упоминать. Среди животных, которые попали в руки египтян, в дополнение к уже упоминавшимся лошадям были 1929 быков, 2000 голов мелкого скота и 20 500 других животных. Более того, весь урожай на полях вокруг города был собран осаждающими, и, чтобы предотвратить его кражу отдельными солдатами, был тщательно измерен и морем перевезен в Египет.

С захватом Мегиддо фараон одним ударом снова победил всю Северную Палестину, оставшиеся правители Сирии поспешили выразить свою лояльность, послав завоевателю дары. Даже царь Ассирии отправил из своей далекой резиденции на Тигре свою часть «дани», состоявшую из больших кусков ляпис-лазури и нескольких дорогих ассирийских сосудов. Победенных правителей заставили отдать заложников, которые были посланы в Египет, и не стоит сомневаться, что многие дочери сирийских царей были отправлены в гарем фараона. В качестве вечного напоминания об этой великой победе Тутмос велел, чтобы в большом храме в Карнаке были вырезаны три списка завоеванных городов. Каждый из

них представлен овалом, в котором иероглифами написано его название, и увенчан бюстом человека со связанными за спиной руками. Этот человек, с большим крючковатым носом, выступающими скулами и остроконечной бородой, явно олицетворял сирийца. В одной из сопровождающих сцен фараон изображен как завоеватель Азии в короне Нижнего Египта, держащий за волосы нескольких коленопреклоненных азиатов, которых он побивает булавой, в то время как богиня Фив приближается к нему справа, ведя за собой связанные веревкой разные захваченные сирийские города, чтобы преподнести их царю.

Несмотря на великую победу, которую Тутмос III одержал в битве перед воротами Мегиддо в Ездзелонской долине, его конечная цель – завоевание Сирии до берегов Евфрата в среднем течении и гор Тавра и Аманоса, где богатые и могущественные торговые города оказывали жесткое сопротивление, чтобы сохранить свою свободу, – не была достигнута. Уарджет, который защищало войско из соседнего Тунипа, был захвачен, а Ардата была разграблена и разрушена. Здесь египетские солдаты пировали в богатых домах и пьянствовали в винных погребах местных жителей. Они напивались каждый день, и их «умащали маслом, как на пирах в Египте». Чтобы оставить город в полном подчинении и бессилии, царь приказал уничтожить все посеы, виноградники и фруктовые деревья на прилегающей территории, положив таким образом конец главному источнику прибыли населения. Пока армия фараона возвращалась в Египет по суше, два трофейных корабля перевозили захваченную в походе добычу. Однако Ардата, несмотря на все наказания, не была сокрушена. Поэтому фараон посчитал необходимым на следующий год – тридцатый год его правления – снова отправиться в поход на непокорный город, который он захватил и разграбил во второй раз. Население, пораженное больше, чем в предыдущий раз, решило признать власть египетского царя и регулярно платить требуемую дань. Судьбу Ардаты разделили Симира и Кадеш.

На побережье Палестины немного дальше к югу портовый город Иоппия – современная Яффа, – похоже, также не сдался египтянам без сопротивления. Его подвергли осаде и, если верить поздней египетской легенде, в конце концов захватили лишь благодаря военной хитрости. Когда египетский военачальник Джехути расположился лагерем у стен Яффы, он придумал какой-то способ, чтобы склонить правителя города посетить его.

Приняв приглашение, князь в сопровождении отряда воинов появился в лагере иноземцев. Их хорошо угостили, их лошадей накормили как следует, и спустя некоторое время гости лежали на земле пьяными. Тем временем правитель Яффы сидел и беседовал с военачальником Джехути. Наконец он выразил желание увидеть «великую боевую булаву царя Тутмоса III», которая была у Джехути. Последний велел ее принести, взял за древко и неожиданно нанес удар в висок «врагу из Яффы», который, потеряв сознание, упал на пол и был быстро связан веревкой. После того как лидер врагов был устранен таким способом, принесли двести корзин, в них спрятались двести египетских воинов с веревками и деревянными колодками. Затем Джехути послал письмо колесничему князя Яффы, который, вероятно, ожидал снаружи, ничего не зная о том, что случилось с его соотечественниками и его господином, веля ему вернуться в город, чтобы объявить супруге князя Яффы, что ее муж захватил военачальника египтян и едет домой с добычей. Разумеется, длинная процессия действительно приближалась к городу: корзины, нагруженные «добычей» и сопровождаемые пятьюстами «пленниками», прошли сквозь городские ворота. Как только все они оказались внутри, «пленники» выпустили своих товарищей из корзин и мгновенно одержали над гарнизоном победу. Крепость была взята. Той ночью Джехути отправил фараону в Египет послание, сообщив о своем успехе: «Радуйся! Твой добрый отец Амон отдал тебе врага из Яффы, всех его людей и его город. Пошли людей, чтобы увести их в качестве пленников, чтобы ты мог наполнить дом отца твоего Амона-Ра, царя богов, рабами и рабынями, которые будут повержены под ногами твоими во веки веков». Какими бы легендарными подробностями ни обладала эта история – египетская версия рассказа о троянском коне, – в достовер-

ности основной части, касающейся того, что Яффа была захвачена при помощи хитрости, практически не приходится сомневаться. Герой Джахути является вполне реальной исторической личностью. Он носил титулы, которые указывают, что он являлся кем-то вроде наместника Сирии, который сопровождал царя за границу и остался управлять завоеванными территориями. Из его гробницы сохранились несколько вещей, включая две замечательные чаши, прекрасный кинжал и несколько чудесных алебастровых сосудов для масла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.